

РОМАН БРЮСОВ

ПОЗЫВНОЙ
«КОТ»

Роман Брюсов

Позывной «Кот»

Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24057953

Позывной «Кот»: роман / Роман Брюсов.: АСТ, Ленинград; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-102701-8

Аннотация

Представьте, что оборотни, ведьмы и вампиры не просто сказки или фантазия голливудских сценаристов, а существуют на самом деле!

Оборотень работает рядом с тобой, за соседним столом, ведьма раздает листовки около метро, а вампир спокойно торгует книгами с лотка. Одна беда, никто из этой «нечисти» и не подозревает, что таковой является, а когда перерождается, начинается ад. Так ли все ужасно, как выглядит на первый взгляд? Их ли это вина? Как предотвратить катастрофу, защитить мирных жителей и не навредить «нечисти»?

Антон Шпак, молодой человек из глубинки, приехав в большой город, при стечении невероятных обстоятельств попадает в особый отдел по борьбе с такими правонарушителями. Мир, в который ему предстоит погрузиться, опасен и интересен, соратники верны, а учитель и наставник Антона мудр и не бросит в беде.

Роман Брюсов Позывной «Кот»

Первый раз я умер еще в раннем детстве. Полез купаться и утонул. Сердце не билось почти сорок секунд, если верить спасателям. Срок не большой, поэтому сам факт моей смерти меня лично тогда не особо волновал.

Остановлюсь лишь на том, что ни света в конце тоннеля, ни ангелочков, ни гласов и труб я не услышал. Может, я умер «мало»?

С тех пор прошло двадцать с небольшим лет, за которые я успел закончить школу, поступить в институт и бросить его, добровольно уйти в армию и, вернувшись из нее, попытаться

жить так, как жил последние два года.

Именно два года. Это сейчас в армию уходят на год, а в те времена, когда довелось служить мне, – двадцать четыре месяца, и не меньше, такие дела. Именно в армии я умер второй раз. Редкая аллергия заставила распухнуть лимфоузлы, и асфиксия чуть было не отправила меня на тот свет, но у врачей-реаниматологов было другое мнение, так что, записав на свой счет еще одно очко, я был уволен из рядов вооруженных сил и выставлен на гражданку – без малейших идей, мыслей и с погашенной инициативой. Иной раз размышляя над всем этим, я чувствовал себя кошкой, неразумным мяукающим существом, которое тратит свои шансы один за одним, не задумываясь о последствиях. А ну как эти две жизни могли мне пригодиться? Не уследил, не уберег.

Кстати, совсем забыл представиться. Зовут меня Антон Семенович Шпак – да, именно так. Только не смейтесь. Досталось мне в свое время за это и в школе и в институте, в армии тоже, и если школьные подковырки приятелей были хоть как-то понятны, дети по своей сути очень злы, то все последующие этапы насмешек объяснить не получалось.

Закончил я обычную ленинградскую среднюю школу. Отец, Семен Абрамович Шпак, биолог в анамнезе, скончался, когда мне было восемь лет. Укатали сивку социалистические горки. Мама, Анна Петровна, воспитывала меня одна, умудряясь работать и халтурить, так что маленький Антон, приходя из школы, был предоставлен сам себе. В отличие

от многих своих сверстников, которые жили в неполных семьях, я интересовался книгами, зачитывая до дыр Зилазни и По. Еще одним моим увлечением была радиоэлектроника, а журнал «Юный техник» фактически стал настольной книгой. Так и жили, ни шатко, ни валко – бедненько жили.

Институт я бросил по неведомым для себя причинам. Надоело все, ничего не интересовало, да и возраст был такой, когда хочется перемен в жизни, а денег для этого нет. Армия мне особо на пользу не пошла, особенно если учитывать мои приключения с лимфоузлами. После этого случая меня, что удивительно, сразу не комиссовали, а посадили на спецпаек, так что радужные перспективы скорого дембеля отодвинулись еще на несколько месяцев.

На гражданке устраивался, как мог. Кем только и где только не работал. Таскал ящики на складе, подвизался в ремонтах, пристроившись в маленькую строительную конторку, торговал пиратскими дисками. Карьеры не сделал, миллионы не заработал – так, существовал...

День был замечательный, солнечный. На небе не наблюдалось ни одного облачка, а приятный южный ветерок приятно обдувал тело. В это самое утро я вышел на улицу не просто так, а по наиважнейшему для себя делу. Деньги заканчивались. Сумма, которую я откладывал несколько лет, подошла к концу, а занимать у родственников было не в моих правилах, так что, взяв себя в руки, я решил устроиться

на работу. Накануне купил в ларьке пухлую газету, по заголовкам обещающую обрушить на меня если не золотой, то серебряный дождь, и придирчиво начал рассматривать все предложенные вакансии, пока, наконец, не понял, что мне ничего не светит. В одном месте требовался опыт работы, в другом были слишком жесткие требования, в третьем так вообще предлагали работать за копейки, что меня абсолютно не устраивало. Одно объявление, впрочем, заинтересовало. «Зарплата достойная, условия отвратные, опасно», и адрес. Хмыкнув, я обвел карандашом текст и отложил газету в сторону. Знал бы я тогда, во что ввязываюсь, сжег бы к чертовой бабушке.

Итак, был чудесный день, светило солнце, пели птицы, и я с приподнятым настроением и газетой под мышкой отправился на собеседование, надев свой лучший костюм, который, кстати, был и единственным – остался со школьного выпускного. Странная, на самом деле, традиция – приходиться на выпускной в костюме, но против правил не попрешь.

Костюм немного жал. Не скажу, что я был здоровяком, скорее уж наоборот. Узкие плечи, сутулость от постоянного чтения сидя и лежа, очки на носу по той же причине, и в кармане последние триста рублей. Жених, не иначе.

Дом, указанный в объявлении, находился на другой стороне города, так что пришлось выложить за проезд. Утром субботы в маршрутке было пусто, и водитель-узбек, отсчитав сдачу с сотни, не спеша покатыл по пустынным улицам, да-

вая мне возможность насладиться поездкой. Доехав до своей остановки, я еще раз сверился с адресом, указанным в газете, и направился к нужному подъезду. В отличие от остальных объявлений, в моем была указана квартира, так что тот факт, что я попал в спальный район, меня несколько не удивил. Сомневаться, впрочем, не приходилось, ибо финансы катастрофически заканчивались.

Подойдя к домофону, я нажал на нужный номер и принялся ждать. Долго не подходили. Наконец, когда я уже совсем было махнул рукой, домофон мелодично щелкнул, и из динамика раздался недовольный, чуть хриплый голос:

– Кого там принесло?

– Здравствуйте, я по объявлению, – вкрадчиво начал я.

– Ну, конечно, – раздалось из домофона, – в субботу и утром. Конечно по объявлению.

– Понимаете, – смутился я, – тут не указан был телефон, наверное, в редакции газеты забыли, так что я не мог узнать точного времени.

– Проходи, коли пришел, – послышалось после секундной паузы, и электронный замок щелкнул, пропуская меня внутрь.

Дверь мне открыл невысокий лысоватый мужчина, несколько с голосом в домофоне не контрастирующий. Майка-алкоголичка, тренировочные штаны с вытянутыми коленками и шлепанцы на босу ногу – самый будничный вид. Скептически оглядев меня, он минуту пожевал сигаретный

фильтр и кивнул, проходи, мол.

– Ботинки снимай, наследись, – велел мужик. – Топай в кухню. Я чай пью, будешь?

– Что? – не сразу понял я.

– Чай, говорю, пью, – повторил хозяин квартиры. – Чаю хочешь?

– Не откажусь, – кивнул я и проследовал на кухню.

Разлив по чашкам недурственный, надо заметить, чай, мужчина уселся напротив и снова принялся меня скептически осматривать.

– Должен предупредить, – засомневался я, – я – натурал.

– Это хорошо, – кивнул мой собеседник. – Натурал – это всегда хорошо. Меньше соплей.

– Так что за работа? – поинтересовался я. – Если что, я на криминал не подвжусь.

– Не криминал, – мужик хмыкнул и отхлебнул из чашки. – Ну, или почти не криминал. Как зовут-то тебя?

– Антон. – Я протянул руку, но мой собеседник покачал головой:

– Ты уж, Антон, не серчай, но руку тебе жать не буду. Профессиональная привычка.

– Как скажете, – согласно закивал я.

Отхлебнув еще глоток, хозяин квартиры сморщился и, встав из-за стола, прошествовал к раковине, в которую и перелил содержимое кружки. Опустошив её таким образом, он открыл холодильник и, выудив оттуда початую бутылку ко-

ньяка, плеснул себе на два пальца.

– Не, спасибо, – замотал я головой, видя, что хозяин предлагает алкоголь и мне. – Я по утрам не пью.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами мужик и выпил коньяк залпом, как водку. Зажмурившись от удовольствия, он простоял секунд пятнадцать. – Зовут меня Федор Павлович, – наконец представился он.

– Очень приятно, – улыбнулся я. – Так что за работа?

– Экий ты нетерпеливый, – Федор Павлович вновь уселся на стул напротив меня и подпер голову руками. – Работа, Антон, необычная. Своеобразная, так сказать. Выходных нет, отпуск не оплачивается, зато доход приличный, хоть и по сезону. Я вот не жалуясь, но в последнее время справляться стало сложнее.

– А в чем конкретно будут заключаться мои обязанности? – не унимался я.

– Не гони, – Федор Павлович вновь плеснул себе в кружку коньяку, явно пренебрегая стоящими тут же на полке коньячными бокалами. – Ты лучше вот что скажи, книжками увлекаешься?

– Да, – уверенно кивнул я.

– А писатель любимый есть?

– Эдгар Алан По, – подтвердил я. – Только не очень понимаю, как это нам может помочь.

– Крещеный? – невозмутимо продолжил Федор.

– Нет, – развел я руками, – а это обязательно?

– Как раз наоборот, – потер руки он, – этого они особенно не любят. По одному запаху могут крещеного вычислить, а это в нашей работе совсем не хорошо.

– Они – это кто? – вновь не понял я.

– Нечисть, – Федор Павлович вновь опростал чашку с коньяком. – Вампиры, оборотни, домовые, ведьмы – все те, кто сидит на территории Российской Федерации и не дает спокойно спать обычным избирателям и честным налогоплательщикам.

– Так, – я с сомнением оглядел кухню, – это розыгрыш? Я в телевизор попаду? Камеры где?

– Нету камер, – развел руками мой собеседник, – может, все-таки по сто граммов?

– Да не пью я с утра, – отмахнулся я и еще раз огляделся, пытаюсь вычислить местоположение скрытой камеры и микрофонов.

– Давай я тебе лучше кое-что покажу, – улыбнулся Федор Павлович и, встав, исчез в комнате, откуда, впрочем, тут же появился с ноутбуком в руках. – Вот смотри, – начал он пролистывать закладки, – случай в Оренбургской области, поножовщина в деревне. Мужички напились и пошли поохотиться. Ушли трое, вернулись двое. Одного с перерезанным горлом нашли. Вот еще, это уже у нас, Санкт-Петербург. Прохожий скончался от потери крови, труп, по данным полиции, был подброшен в подворотню. Интересно?

– Даже не знаю, – усомнился я. – Что в Оренбургской,

так там дело ясное. Пьяные мужички поспорили да за ножи схватились. В Питере тоже понятно, ограбить, небось, хотели беднягу, а чтобы отвести от себя тень подозрения, погрузили в машину и отвезли куда подальше.

– Так-то все так, – усмехнулся Федор, – да для простого обывателя. В деревне той я был, сразу подозрение на оборотня упало. Мужичка бедного в полнолуние и упокоили, а рана на горле заставляла думать, что не перерезали его, а погрызли. Оборотень тоже обнаружился, жил в соседнем поселке. Промышлял курями да скотом домашним. Пьяные охотнички ему так, под горячую руку попали. С проходим тоже все просто. Почти наверняка в шее у него пара дырок, да и упокоили беднягу в том подъезде. Денег не взяли, часы не сняли. Выпили его. Что, не веришь?

– Но как же так?! – всплеснул я руками. – Если такое творится, надо же общественность предупредить, поднять массы, сообщить в полицию!

– Дурак так и сделает, – согласился Федор, – и прямиком в желтый дом отправится. Ну, кто тебе, скажем, поверит, если ты явишься в полицию и заявишь, что по граду Петрову вурдалак гуляет? Скептиков слишком много. Очевидное отказываются замечать, даже если его под нос им поднести. Вот возьмем хотя бы тебя. Вот ты вроде и книжки разные читаешь, и вообще не дурак с виду, наблюдательный.

– Ну, да, – осторожно согласился я.

– Голову в прихожей видел?

– Видел.

– Чья?

– Кабанья.

– Да ну? Ты сходи, голубь, повнимательней глянь.

Пожав плечами, я направился в прихожую и, щелкнув выключателем, осмотрел кабанью голову. Здоровенная такая, клыки выпирают... Ах ты ж черт!

– Ну, как кабанчик? – послышался довольный голос с кухни. – Хорош?

То, что висело на стене, было чем угодно, только не кабаньей головой. Чем-то смахивало на волчью, отвратительную, больную. Больше всего поразили выпученные и налитые кровью человеческие глаза, которые, словно живые, уставились на меня с мерзкой морды.

– Это моя сигнализация, – пояснил довольный Федор Павлович, пришаркав с кухни. – Башка самого настоящего оборотня. Штука дорогая, кстати, на черном рынке бешеных денег стоит, но этот экземпляр я для себя приберегу. Мертвечина, она что, кусок мяса, а это нет. Заявится ко мне гость непрошенный, а башка и забормочет. Много раз меня предупреждала, кстати.

– Это как? – поинтересовался я.

– А просто, – отмахнулся Федор. – Звонок в дверь, смотрю в глазок, а там цыганка медом торгует, а краем уха слышу – бормочет голова. Ясно, ведьма. Разговор с ней короткий: цепь стальную на шею, и в колодец. Хотя бы канализацион-

ный. В другой раз сантехник приперся, мол, на участке утечка, опять голова помогла, вампиром оказался.

– И что? – удивился я. – Так вот они запросто и ходят по квартирам?

– Нет, конечно, – кивнул Федор Павлович, – это они ко мне захаживают по старой памяти. Сколько я этого брата со свету сжил, уж и не припомню. Жаждают мести, так сказать.

– А вы кто? – тихо произнес я.

– А ты не понял? – усмехнулся Федор. – Охотник я на эту дрянь.

– Значит, и полиция, и администрация в курсе? – поинтересовался я, допивая на кухне остывающий чай.

– Конечно. – Федор вновь налил себе коньяку и, встав, убрал бутылку в холодильник. – Все они отлично знают, только замалчивают. Зачем им лишняя шумиха, да и некоторые твари, из ассимилировавшихся, чины имеют в правительстве. Те, правда, не бедокурят особо, но и с ними случается. Тут намеренно пришлось одного депутата упокоить, матерый волчище, я вам доложу. Трижды перекинуться успел, пока я ему в голову заряд из дробовика не отправил. Сейчас в клинике швейцарской лечится, извиняется за рецидив.

– А кто платит за такую работу?

– Администрация и платит, полиция та же. Чуть что, звонок кому из охотников, кто ближе. Если подтвердятся опасения, то оформляют заказ-наряд, и вперед.

– Платят-то много?

– От заказа зависит. – Федор вытащил из кармана мятую пачку сигарет и, выудив одну, закурил. – Если обычный оборотень, то десятка, если матерый, то полтинник, а если, скажем, на старого и опытного вампира напорешься, то не меньше трехсот тысяч евро. Опасные они.

– А оборотни, значит, не опасные? – усмехнулся я.

– С этими тоже горя хлебнешь, – подтвердил Федор, – но проще с ними. Перекинутый оборотень больше зверь, чем человек. Хитрый, опасный, быстрый, но зверь. Обвести его вокруг пальца значительно проще, чем даже молодого вампира. Те тоже дурни, меры не знают. Кровавые пиршества тоже они устраивают, ну или просто человека досуха выпить могут. Дураки, проще засветиться. Старые опытные вампиры гораздо деликатнее работают. Живет такой дедушка – божий одуванчик в соседней квартире, пенсию получает, на лавочке с газетой сидит, а между прочим, он еще и вампир древний, лет пятьсот ему, а то и больше.

– Так он же на солнце сгорит? Какая лавочка? – поразился я.

– Ты эти сказки по поводу чеснока и креста прекрати, – отмахнулся Федор. – Начхать им на них. Света, впрочем, боятся, только прямых солнечных лучей. В пасмурную погоду вполне себе могут позволить прогуляться. Да ты не бойсь, введу тебя в курс дела помаленьку.

– Так что, получается, я теперь охотником буду? – поразился я.

– Не сразу, – пояснил Федор. – Годика два походишь в учениках, ума наберешься. Покуда в учениках ходишь, семьдесят процентов от суммы мои, но тут не серчай. Основная работа на меня ляжет, ты только патроны подавать будешь да ситуацию на ус наматывать. С оружием, кстати, обращаться умеешь?

– Умею, – кивнул я. – В армии служил.

– Еще лучше, удостоверение тогда тебе справим, чтоб, коли случится, мог с пистолетом ходить. В нашем деле пистолет тоже немаловажен. Ну, так что, по рукам?

– По рукам, – кивнул я.

– Молодец, – хохотнул Федор Павлович, – руку не протянул. Быстро учишься. Любая нечисть по прикосновению может понять, кто ты и что ты. У них с этим просто, как только делают, черти полосатые, понять не могу!

Переписав мои данные и телефон, Федор Павлович проводил меня до двери и уже на пороге вручил конверт.

– Тут моя визитка и подъемные. Сходи в магазин «Рыболов-любитель», приборахлись. Если что, мы охотники, личина у нас такая. Выбирай все с умом, не броское, трижды проверь, чтоб впору было да ботинки не натирали. Мозоль на ноге запросто башки лишит может, учти.

– А когда приступать? – поинтересовался я.

– Позвоню, – пояснил охотник. – Твоя задача – трепать поменьше да постороннего домой не звать. Придешь домой, положи на порог шерстяную нитку, ведьма не пройдет. С

кровеносами сложнее, но те только тогда могут подойти, когда сам их в дом позовешь, так что если кто вдруг, даже самый близкий, на постой попросится, со мной посоветуйся.

– Хорошо, – я кивнул и, развернувшись на каблуках, вышел на улицу под уже начавшее припекать солнце.

В конверте действительно оказалась визитка с мобильным телефоном Федора и пухлая пачка евро. Присвистнув от удивления, я от греха подальше запрятал конверт во внутренний карман пиджака.

В том, что Федор не шутил, я окончательно убедился в обменном пункте, когда приветливая девушка за стеклом обменяла часть денег из конверта на российские рубли.

Нет, подумал я, евро так просто не раздают. Можно, конечно, предположить, что Федор – эксцентричный миллионер, распеваящий байки про нечисть, но омерзительная голова у него в прихожей бормочет о правдоподобности.

Итак, жизнь вроде бы налаживалась. Сомнительные перспективы, сулимые нанимателем, перевешивала солидная сумма, приятно отягощающая мой давно уже пустовавший бумажник, а день только начинался. Поймав частного – теперь я себе мог это позволить, – я за пятнадцать минут добрался до дома и первым делом, разделив полученные подъемные на аккуратные пачечки, принялся рассовывать их по дому, разумно рассудив, что не правильно будет складывать все яйца в одну корзину. Закончив прятать деньги, я пе-

решитал оставшуюся у меня рублевую сумму – чуть больше двадцати тысяч рублей, неплохо! – и решил последовать совету Федора и посетить магазин туристских товаров. В «Рыболова» я не пошел, а посетил «Сплав», где выбрал себе берцы по размеру, две пары тонкого финского термобелья, упаковку термоносок и неброский серо-зеленый камуфляж-пиксель. Прикинув сумму потраченного, я добавил портупею, флягу и многофункциональный нож, из тех, что и пила, и открывалка, и кусачки. Довольный таким покупателем, продавец с радостной улыбкой упаковал все мои обновки в большие полиэтиленовые пакеты.

– На охоту собираетесь? – поинтересовался парень, протягивая мне покупки.

– На рыбалку с друзьями, – охотно включился я в игру. – Позвали вот, а надеть нечего. Не хламинником же показываться. Удочку, конечно, дадут, а вот со всем остальным самому разбираться.

– Тоже верно, – кивнул парень. – Побольше бы таких покупателей, как вы.

– Окстись, – хохотнул я. – Этак можно всю рыбу выловить. Путь домой пролегал по набережной, пакеты были не тяжелые, так что я решил воспользоваться случаем и, купив мороженое, не спеша прогуливался. Ветер с Невы – вещь уникальная, как впрочем, и город, который она пересекает. Зимой через мост лучше вообще и не суйся, продует, да так, что пальцев не чувствуешь, летом же, наоборот, бодрит, хо-

лодит, но стоит подойти поближе, как будто что-то происходит. Черные глубокие воды реки словно притягивают, зовут, оторопь берет иногда. Вот и сейчас, прогуливаясь по набережной, я наблюдал за мерным течением воды издалека, не спеша спускаться. В кармане вдруг задержался телефон.

– Это Федор Павлович.

– Здравствуйте.

– Осваиваешься?

– Потихоньку.

– Хочешь интересное?

– Ну, а кто его не хочет.

– Обернись. Видишь, девица миловидная в платье в ромашках, на скамейке?

Я обернулся и действительно увидел сидящую в десяти шагах от меня молодую девушку в летнем платье и шляпке, с книгой на коленях.

– Вы меня видите, что ли?

– Вижу, – в трубке раздался довольный смешок. – Я за тобой в армейский бинокль наблюдаю с другого берега.

– И что в этой девушке интересного? – засомневался я. – Ну, кроме того, что она довольно мила.

– Мила, – согласился собеседник, – мила и интересна. Просто дьявольски интересна. Волосы у нее какого цвета?

– Рыжие.

– Точнее?

– Как ржавчина почти, рыжие.

– Кожа бледная?

– Да.

– Сидит в тени?

– И это верно.

– Познакомься, Антон, это ведьма. Охотится, кстати.

– Ну, это вы перегнули, Федор Павлович, – обиделся я за молодую петербурженку. – Рыжие волосы у многих, рыжие обычно светлокожи, а то, что в тени сидит, так просто так. Я бы тоже в тенечке расположился.

– Я так и знал, что ты мне не поверишь, – донес до меня телефон. – Дальше играть будем?

– Будем, – легко согласился я.

– Только, чур, играть будем по моим правилам, и ни шага в сторону, договорились?

– Легко.

В трубке послышалось шуршание, очевидно Федор переключил телефон из одной руки в другой.

– Слушай вводный инструктаж. Ты, уж извини, Антоша, парень плюгавый. Ведьмы обычно на кого поярче, поздоровее охотятся, но вокруг, похоже, лучше тебя претендентов нет. Погоди с минуту, сейчас она тебя клеить начнет, глазками стрелять. Ведьмы вообще на чары женские горазды.

– Такая девушка, и меня? – удивился я.

– На безрыбье и попа пирожок, – осадил меня Федор, – и не перебивай. Ну, так что?

Я обернулся и тут же получил взгляд... многообещаю-

щий, я бы сказал.

– Проняло? – буднично поинтересовался охотник.

– Ага, – сглотнув, признался я, – у меня это...

– Не мямли, называй вещи своими именами. Эрекция у тебя, дураку понятно. Мужчина с эрекцией соображает хуже, чем без оной. Кровь от мозга отходит, – веселился Федор.

– И что теперь? – произнес я, пунцовый, как рак.

– А теперь знакомиться.

– Да ну, Федор Павлович, – в смущении начал отпираться я. – Вон какая девушка, а я туда сунусь. Отошьет, а если и не отошьет...

– Опять ты мямлить вздумал, – вздохнул мой собеседник. – Не отошьет. Зуб даю. Я таких, как она, с закрытыми глазами различить могут. Теперь слушай внимательно и действуй согласно инструкциям, которые я тебе дам. Ни шага в сторону, от этого твоя жизнь зависит.

– Может, не надо? – попытался я робко протестовать, почуввав неладное. Очень уж Федор Павлович был в себе уверен.

– Надо, Антон. – Я прямо почувствовал, как Федор закивал с того берега. – Во-первых, это позволит тебе больше не сомневаться в моих словах, а во-вторых, опыт. И не робей, если что, подстрахую. Теперь запоминай. Подойдешь, познакомишься. Может, даже номерами телефонными обменяешься. Свой не давай, измени пару цифр. Предложи покататься на кораблике по Неве, откажется. Точно говорю. Ведьмы страх как проточную воду не любят. Никуда с ней не ходи,

даже если очень сильно просить будет. Ну, а если тебе самому очень сильно вдруг захочется с ней пойти, с этим сложнее. Появится непреодолимое желание следовать за девкой, скажи: «Вода да огонь, отпусти». Слова простые, действенные только днем, ночью такой фразой не отопрешься. Ночь – их стихия, их сила. Ну, вперед. Чего застыл?

Немного подождав и получив еще один выстрел «в самое сердце», я все-таки решился и подошел к барышне на скамейке.

– Добрый день, – я попытался изобразить самую обольстительную из своих улыбок. Общение с прекрасным полом никогда не являлось моей сильной стороной.

– Здравствуй. – Девушка отложила книгу и улыбнулась, показав ряд ровных белоснежных зубов.

– Извините за мою настойчивость, – я зарделся, словно маков цвет, а девушка, видя мое смущение, хихикнула в кулак, – но я бы хотел познакомиться.

– Варвара, – рыжеволосая красотка вновь подарила мне улыбку.

– Дмитрий, – в замешательстве выдавил я, не ожидая, что так легко получится соврать. – Погоды, знаете ли, чудесные.

– Погода замечательная, – согласилась рыжеволосая. – Вы местный?

– О да! – быстро согласился я, наконец почувствовав почву под ногами. – Я коренной петербуржец, а вы?

– А я учусь, четвертый курс ИТМО, – поделилась Варвара.

– Я присяду?

– Конечно.

Тонкая девичья кисть настойчиво похлопала по скамейке.

Поставив пакеты на землю, я устроился на предложенное место.

– Ну, так о чем мы с вами, Дима, будем разговаривать?

– О чем пожелает прекрасная Варвара! – воскликнул я. – Хотите, на пароходике по реке покатаемся, выпьем кофе.

– Ой, нет, Дима, – вздохнула моя собеседница, сев в пол-оборота и тем самым подставив под мой взгляд глубокий вырез своего платья, – меня на воде укачивает, но я предоставлю вам шанс угостить меня кофе. Тут недалеко есть замечательное кафе, частенько там бываю.

– Да что вы говорите, – улыбнулся я, чувствуя себя все большим и большим кретином от того, что поверил Федору.

– Тогда пойдемте, – сверкнула белоснежной улыбкой рыжеволосая фея.

В следующий момент я оказался на земле в каком-то грязном переулке. Отчаянно болела голова, и саднило в горле, а две фигуры, сцепившиеся позади, производили массу шума. В одной из них я узнал Федора Павловича, скорее даже Федора. Язык не поворачивался назвать этого крепко сбитого здоровяка с короткой стрижкой и в зеленом офицерском свитере по имени-отчеству. В другой фигуре, которая отчаянно пыталась то дотянуться зубами до горла, то выдавить глаза противнику, я не без труда, но только по платью

смог опознать мою знакомую Варвару. Как же она преобразилась! Резкие, заострившиеся черты лица, провалы глаз, бледная с зеленью кожа, и злоба, злоба лютая, физически ощутимая. Наконец, подкатившись, Федор, мощным ударом берцев сбросил с себя ведьму и отскочил в сторону. Та зашипела и зажалась в угол, очевидно выбирая новую тактику нападения.

– Куда тебя понесло, идиота?! – стараясь отдышаться, поинтересовался мой наниматель. – Я ору ему, ору, а он как на привязи.

– Ничего не помню, – замотал я головой. – Осторожно!

Воспользовавшись секундной заминкой, ведьма вновь ринулась в атаку, в этот раз намереваясь располосовать лицо Федора длинными кривыми ногтями.

– Вот тебе сразу и хаба, – ухнул охотник и, поймав руки ведьмы в захват, от души приложил её о землю, начисто выбив воздух из легких. Нечисть взвизгнула и, похоже, потеряла сознание.

– Живой? – поинтересовался он у меня, отряхивая камуфляжные брюки.

– Ага, – кивнул я. – Только есть такое впечатление, что простудился.

– Пройдет, – отмахнулся Федор. – Ерунда. Это же надо, как она тебя заморочила! Завтра зайдешь ко мне с утра, дам тебе отворотный амулет. Не снимать ни при каких условиях, даже в баню с ним ходить!

Я осмотрел место битвы.

– Я бы так не смог.

– Сможешь еще, какие твои годы, – улыбнулся охотник. –

Ну, как тебе теперь эта симпатяжка?

Я с ужасом покосился на бледно-зеленую фигуру ведьмы Варвары.

– Имени-то хоть своего не сказал?

– Соврал, – кивнул я. – Дмитрием назвался.

– Хорошо это, – кивнул Федор. – Специфика тут своя есть.

Если, скажем, ведьма молодая да глупая, то радикальные меры, как то физическое устранение, к ней применять вовсе не обязательно. Ну что, веришь теперь?

– Верю, – согласно закивал я. – Тут кто хочешь поверит. Только зачем я ей нужен был? Она же не кровосос или другое что. Не готовить же она меня думала?

– Ведьмы, приятель, в принципе и человечинной питаются могут, – кивнул в сторону неподвижной фигуры охотник, – но если допечет сильно. Ведьмы на охоту выходят, когда им слуги нужны.

– Слуги? – не понял я.

– Они самые, – Федор похлопал меня по плечу. – Слуги ведьмам ох как потребны. Что нужно нечисти? Душа. Какая самая желанная душа? Непорочная. У кого такая? У младенца. Ход моих мыслей пока понятен?

– Ну, более или менее... – пожал я плечами.

– Не может ведьма взять в руки младенца, ибо душа его

безгрешна. Я не верующий, а и то знаю. Вот для этого им слуги-марионетки и нужны. Заморочила бы она тебе голову, а ты бы для нее налеты на роддом раз в квартал совершал.

– И что с ней теперь делать прикажешь?

– Я бы поступил по-своему. Опыт есть, так что жалость отбросим и угрохаем. Дура дурой, а вдруг злопамятна окажется. Заказ хоть и не оплаченный, но подстраховаться стоит. Живешь рядом, ходишь по этому городу часто, для толковой нечисти найти тебя – дело времени.

– Но как? Это же ведьма! – поразился я.

– А так. – Федор отстегнул от пояса цепочку и, обмотав горло Варвары, потащил её за ноги в глубь тупика. – Цепочка кованая, – пояснил он, – пока на ведьме, та никуда не денется. Открывай колодец.

Последовав за Федором, я не без труда под ворохом грязной листвы смог обнаружить крышку канализационного люка. Подцепив край так кстати валявшимся неподалеку железным прутом, я отвалил заслонку и сморщился от канализационного смрада.

– Вот так. – Охотник перевалил тело через край и отправил его в недолгий полет. Послышался всплеск воды. – Закрывай. Все. Теперь три дня, раньше её точно никто не обнаружит. За это время, с цепью на шее да в колодце, душу отдаст, а нам этого и надо.

– А что, если милиция найдет? – поинтересовался я.

– Милиция найдет только ржавую цепочку и кучу старых

костей, – усмехнулся охотник и, вытащив из кармана упаковку влажных салфеток, начал с ожесточением оттирать руки.

– Может, не стоило её так? – сжалился я.

– Души младенцев, – напомнил Федор. – Никогда этого не забывай. Если есть возможность уничтожить тварь, отбрось сомнения. Это даже в целях безопасности необходимо. Ведь-ма тебя потом по запаху найдет, как собака. Давай валить, кстати, и так нашумели.

Пинками накидав листьев на колодец, ставший могилой для ведьмы, мы скорым шагом направились прочь. И только оказавшись на оживленной улице в гомонящем людском потоке, я наконец начал приходить в себя.

– Понимаю, – сочувственно произнес Федор, – со всеми так впервые. Шок, удивление, потеря ориентации, и как результат – изменение мировоззрения. Я в свое время тоже сразу не поверил.

– Какой он был, твой первый раз? – спросил я.

– Интересный, – хохотнул Федор. – Самый первый мой выход был на молодого вурдалака. Хорошо, хоть не в ночь пошли, а то точно бы зайкой остался. Кровососы, оказывается, спят кверху ногами, как мыши летучие. Гробов и прочих закрытых пространств избегают. Вышли мы тогда с моим учителем на нору. Заказ был от тогдашнего МВД, солидный, в рублях, правда, но на квартиру хватало. Завелись кровососы аккурат рядом со студенческим общежитием да кормились помаленьку. Может быть, так все дальше и проис-

ходило бы, если б не бабка вахтерша, пусть земля ей будет пухом, которая заметила, что кто-то по ночам в общагу бе-
гает. Надо же разобраться?! Разобралась, в общем, на свою
голову. Гнездо располагалось в подвале в долгострое, ночью
вампиры кормиться выходили, а днем спали, привалив ход
бетонной плитой. Здоровые они, откуда сила только берется.
Случится тебе с вампиром драться, в рукопашную не лезь,
сломает, как кролик удава. Ну, так вот, заявились мы, зна-
чит, на пару с мастером, чтобы извести скотину, да не тут-то
было. То ли почуяли они что, то ли просто голодные – дре-
мали, одним словом. Вот тут и началось, туши свет! В гро-
бах, как я тебе говорил уже, вампиры не спят, святой воды
не боятся, чеснока того же, а вот кол уважают. Не в сердце
его только втыкать надо, а в шею, чтобы хребет перерубить.
Можно еще голову оттяпать, но с топором по городу особо не
погуляешь, не то чтобы не пронести, неудобно просто. Спу-
стили мы их, грешников, на землю, и только я вознамерился
кол вогнать, как эта скотина на меня и кинулась. Пострелять
пришлось тогда, уйму боеприпасов извели.

– Слушай, Федор... можно я тебя так назвать буду?

– Валяй, – отмахнулся охотник, – только не во время рабо-
ты. Нельзя при нечисти свое имя называть. Это им как будто
силы придает.

– И как же тебя звать? – поинтересовался я.

– Ну, – замялся Федор, – мой старый мастер называл меня
Филин. Созвучно с именем, откликаться удобнее, я и при-

ВЫК.

– Хорошо, – кивнул я. – Ты думаешь, ведьма на меня охотилась, чтобы слугой сделать?

– Да больше ты ей и не нужен, незачем, – пояснил Федор. – Сытая она была.

– А что за существа эти ведьмины слуги?

– Да та же нечисть, только без инициативы. Мертвяки подконтрольные. Чтобы такого слугу сделать, сначала человека убить надо, потом вдохнуть в него мерзость, и готово. Недолговечный получается слуга. Недели три может протянуть, потом разлагается и пахнет мерзко. Я же эту стерву с тебя сшиб, когда она тебя почто задушила.

– То есть опять я умер, а потом воскрес, – я почесал затылок.

– Что значит опять? – заинтересовался охотник.

– Да было у меня уже две клинические смерти, одна в детстве, вторая чуть погодя в армии. Эта почти третья, считай.

– Прямо как кошка, – усмехнулся Федор, – три жизни потратил, четыре оставил про запас. Вот и имечко тебе придумалось.

– Кошка, что ли? – обиделся я.

– Кот, дуралей. Котом тебя звать буду.

– И на том спасибо, – тяжело вздохнул я.

Некоторое время шли молча.

– Вот что, кот Антон, – вкрадчиво поинтересовался охотник, – сейчас вроде время ближе к полудню, не накатить ли

нам по стопочке за твое боевое крещение?

Я с сомнением посмотрел на полиэтиленовые пакеты с вещами.

– Можно, – наконец решился я, – но только по стопочке.

– Вот это разговор, – оживился Филин. – Тогда шевели лапами, салага. Знаю я тут одну расчудесную рюмочную.

– Вот что я тебе скажу, Антон, – напутствовал меня порядком захмелевший охотник, – имидж тебе менять надо.

– И что же во мне такого, что необходимо изменить? – поинтересовался я.

– Прическа, – Федор махнул рукой, как отрезал. – Длинные волосы – нехорошо. Забудь все эти сопли про длину волос и свободных людей. В драке за вихры схватят, мало не покажется.

Я схватил себя рукой за шевелюру и потянул. Больно.

– Вот то-то и оно! – поднял палец Федор. – Теперь с очками.

– А что с очками не так? – не понял я.

– То, что они есть. Вот у тебя какое зрение?

– Минус один.

– Закажи линзы. С ними проще, да и меньше возможности потерять. Опыт какой в драке имеется?

– Рукопашный бой по армии, – начал я перечислять свои спортивные достижения, – три года вольной борьбы, футбол...

– А на вид не скажешь, – хмыкнул охотник. – Впрочем, это нам как раз на руку. Когда противник тебя недооценивает, можно подбросить ему премилый сюрпризец. Чем более грозно ты выглядишь, тем осмотрительнее ведет себя тот же упырь или ведьма. Вон, как твоя давешняя подружка от меня по стенам скакала, но у меня и на лбу написано, что её убивать пришел, а за тебя зацепилась, охмурила.

– Оставь, – смутился я. – Эффектная же девка была, пока не перекинулась.

– Да и колдунья не слабая, – подтвердил охотник, – так вот взять и заморочить, это талант нужен, только вот ехали-болели нам такие таланты.

– Ты, помнится, про амулет толковал отворотный, – напомнил я.

– Есть такой, – кивнул Федор. – Бабки-ведуньи по деревням такие мастерят. Бабку-то в деревне найти легко, а ведунью настоящую сложно. Все больше безделушки ляпают да лохам городским толкают, те и рады-радешеньки. А моя ведунья верная, самая взаправдашняя, не раз меня её обереги спасали. Выдам тебе один, от щедрот, а потом, уж будь добр, своими обзаведись. Недешевое это дело, обереги раздавать.

Налили, выпили, закусили.

Следующее утро встретило меня сильным похмельем. К отвратительному самочувствию и головной боли присовокупился странный привкус во рту и отчаянное желание поку-

ритель.

Буквально упав в ванную, я включил холодную воду и сидел так, минут десять приходя в сознание. Убийцей я себя не чувствовал, это уже хорошо. Испугался ли я? Нет, конечно, нет. С детства я увлекался мистикой, волшебными неурядицами и прочей фэнтезийной ерундой, что попадалась на полках книжных магазинов. Что остается в сухом остатке? Желание работать, вот что остается. Выключив холодную воду, я поспешил растереться большим махровым полотенцем и, достав из шкафа свежее бельё, стал одеваться. Взгляд мой упал на вчерашние, так и не распакованные, обновки, стоящие в пакетах в прихожей.

Повертевшись перед зеркалом, я мысленно отметил правоту Федора. Волосы следовало подстричь, и как можно скорее. Вспомнив армейский офицерский свитер и мысленно поставив галочку приобрести такой же, я отправился на кухню, громыхая не разношенными берцами. Три яйца на сковороду, бутерброд, крепкий кофе – все это вместе с ледяным душем привело меня в норму.

Большая стрелка на настенных часах минула два, когда я все-таки выбрался из дома, предварительно переодевшись в легкие шорты и рубаху с короткими рукавами. Жаркое лето в Питере давно уже не редкость, но в этот год солнце разбушевалось особо. Столбик термометра на моем окне уверенно стремился к тридцати. Прикупив по дороге в парикмахерскую бутылочку минеральной воды, я отвинтил крышку и

отхлебнул. Теплая, я даже сморщился от отвращения. Хуже теплой минералки может быть только теплое пиво, по крайней мере для меня. В парикмахерской в будний день очереди, на мое счастье, не наблюдалось. В душном крохотном помещении скучали две густо накрашенные матроны сильно за сорок.

– Подстричься можно? – приветливо поинтересовался я.

Одна из парикмахерш кивнула на кресло. Усевшись, я уставился в зеркало. Вот оно новое, что я вынес из вчерашней потасовки, как будто взорвалось у меня в мозгу. Как ни печально, но теперь в любой красивой девушке, которая мне улыбнется, я прежде всего буду видеть ведьму. Незадача.

– Как вас стричь? – почти для проформы поинтересовалась женщина.

– Покороче, – начал разъяснять я, – затылок на нет, без челки.

Оставив пятьсот рублей за пять минут работы машинкой, я вышел на улицу и с радостью отметил наличие фонтана, куда и отправился быстрым шагом. Конечно, некрасиво мыть голову в общественном месте, но такой услуги в парикмахерской мне не предложили, а маленькие колючие негодяи, завалившиеся за шиворот, грозили устроить революцию. Холодная вода из фонтана возымела действие, успокоив и охладив голову. Отличный день, решил я про себя, просто замечательный. Вторым пунктом на повестке было зайти к Федору и забрать отворотный оберег, что я и сделал. В этот раз,

впрочем, поехал не на такси или частнике, а тормознул проезжающую мимо маршрутку. Нечего показывать, что есть деньги, подумалось мне, хлопот потом не оберешься. История с домофоном повторилась, видимо вчерашние алкогольные возлияния отразились на охотнике сильнее, Впрочем, и пил он значительно больше.

– Ты, что ли? – послышался слабый, с надрывом голос. – Пиво хоть принести догадался?

Я с готовностью потряс пакетом с холодными бутылками, которые прикупил недалеко в супермаркете.

– Райская музыка, – одобрил домофон, – проходи.

Вчерашний боец и гуляка, Федор дома вновь перевоплотился в примерного среднестатистического гражданина Федора Павловича, Впрочем, небритость и запах перегара в квартире мог принадлежать и тому, и другому.

– Прходи, – пропустив меня через порог, охотник конфисковал пакет и отправился в кухню. – Дверь за собой закрой.

– Проветрил бы ты жилище, Федор Палыч, – предложил я.

– Ой, какие мы нежные! – раздался ехидный голос. – Нас, видите ли, запах честного мужского перегара смущает. Ты погоди, вот будет заказ на кикимору или мертвоходящего, вот тогда ты еще вспомнишь, как тут стоял и рожу воротил.

Надев гостевые тапки, а имелась у Федора и такие, я прошел в кухню и уселся на свободный табурет.

– Подстригся? Хорошо, – одобрительно кивнул хозяин

квартиры. – С очками что надумал?

– Да ничего, – пожал я плечами, – хлопотно с этими линзами очень.

– Тогда заведи подменную пару и с собой таскай, – предложил охотник.

– Слушай, Федор, – прищурился я, – вот ты говоришь, что платят прилично, а квартирка у тебя меж тем не богатая, машины опять же не видел.

– Верно, – хохотнул охотник и, откупорив бутылку, присосался к горлышку. – Ты себе тоже, вижу, кольцо золотое в нос не вставил.

– Может, некогда было, – улыбнулся я.

– Денег хватит, – отмахнулся Федор. – Всем охотникам хватает, кто до старости доживает, и тебе хватит.

– А много их, охотников?

– По-разному, – пожал плечами Федор. – Ведь вот тут какое дело, мы ряды нечисти прорежаем, а она наши. Тут, сам понимаешь, лотерея.

– Смертность высокая? – заинтересовался я.

– Никто легкой жизни не обещал, – хмыкнул мой собеседник. – Бабки тоже за здорово живешь никто платить не будет. Вот что мне в тебе нравится, Антон, так это твое поведение. Вроде бы невзрачный человек, а после вчерашнего – что с гуся вода. Другой бы в портки наложил, а ты сидишь как ни в чем не бывало и вопросы задаешь.

– Неужели настолько денег много, что можешь себе еще и

помощника взять? – не унимался я.

– Ну, не то чтобы, – скис Федор. – Тут вот еще какая закавыка. Работы много в последнее время. Не справляюсь. Создается впечатление, что все эти твари как будто активизировались да сил поднабрались. Возьмем хоть вчерашний случай. Попробовал бы ты лет десять назад ведьму, днем, да еще в центре города найти! Да ни в жизни. Сидели себе тихо по деревьям да скот портили. Эта же, какая мерзавка, еще и охотиться вздумала. Страх они, что ли, потеряли?

– А на кого обычно охотятся? – поинтересовался я.

– Это по-разному. – Федор допил первую бутылку и поставил её под стол. – Тут тебе небольшой ликбез провести надо. Совсем чуточку, чтобы мозги не закипели.

Прежде всего, учти, что вся нечисть без исключения крайнее опасна. На охоте никогда не поворачивайся спиной к противнику. Это основное правило.

Сама нечисть, по моему мнению, конечно, делится на две основные категории – жить и нежить. Жить – это вполне себе живые, дышащие существа с обменом веществ и кровяным давлением, что, кстати, немаловажно. С этими все ясно. Хороший выстрел из дробовика, к примеру, может сильно помочь. Жить часто вынослива, свирепа, глупа, но быстра и изворотлива.

Нежить – самый загадочный аспект во всей нашей деятельности. Как они вообще по земле передвигаются, даже я со всем своим опытом сказать не берусь. Некоторые экзем-

пляры, впрочем, бегают настолько бодро, что на машине не угонишься.

И у тех и у других в фаворе ночная активность, у них замедленный метаболизм и, ты будешь смеяться, характерный запах. Запах – это составляющая, на которую следует ориентироваться при охоте прежде всего. Запах могут маскировать, заглушать посторонними источниками, но основное гнездо тех же вампиров пахнет. Никуда им от него не деться. Те же ведьмы маскируют свой запах духами, притирками и мазями, а вот мертвоходящим сложнее. Вонь от них стоит нешуточная, такого хоть «Шанелью» облей снизу доверху, все равно ничего не получится.

– А что за мертвоходящие такие? – заинтересовался я. – Зомби?

– Можно сказать, и зомби, – чуть помедлив с ответом, кивнул Федор. – Мертвечина как мертвечина, только не кидается на людей почему зря. С этими хлопот меньше всего, они только на заказ. Вот, допустим, умер человек, или еще лучше, умертвили его намеренно да в лесу закопали подальше, без отпевания. Если слаб он был по жизни, с пустой головой и холодным сердцем, то так мертвяком и останется. Таких, кстати, большинство. Есть и другие. Поднимет их лютая злоба только одним им известным способом, и единственная их цель в псевдожизни мертвецкой – найти и убить обидчика. Убивает, и дух испускает. Много таких было при советской власти, много в лихие девяностые, сейчас попроще ста-

ло. Церковники нам в этом усердно помогают, хотя мало о чем догадываются.

– Ведьмы на метлах летать умеют?

– Заблуждение. Я вообще в своей практике летающих тварей не видел. Двигаться быстро могут, да так, что иногда создается впечатление, что телепортируются, сила у многих большая, но вот чтобы взять и взлететь? Нет, дружище, наша с тобой деятельность на землю распространяется. Хочешь – по ней, иногда под ней, но в воздухе никогда.

– Ну, а способности какие у них есть? – поинтересовался я.

– Разные, – кивнул охотник, – будь они неладны. Вампиры и ведьмы могут взгляд отводить или гипнотизировать, объем легких оборотней позволяет им находиться под водой до двадцати минут, мертвоходящие могут отличить правду от лжи. Домовые, банные и прочие народные могут память отнять, но тут на кого нарвешься.

– Господи, – охнул я, – и как же с ними со всеми справиться?

– В первую очередь, перестать упоминать Бога. Крещеных они учуять могут, а если кто, вот так как ты, скажет, хоть шепотом, то и услышать могут легко.

– А приспособления у тебя есть особые?

– В основном огнестрел, – печально пояснил Федор. – Как этим одаренным из внутренних дел не объясняй, что хорошее автоматического оружие существенно облегчит жизнь

любого охотника, не хотят давать добро. Многие используют ножи, хороши также колбы с кислотой и динамитные шашки. Этого добра у меня навалом, – улыбнувшись, Федор хлопал по деревянному ящику, стоящему под столом.

– Прямо там? – охнул я и постарался как можно быстрее затушить сигарету.

– Прямо там. Мы люди простые, нам не до арсеналов. Я вот что с тобой тут толкую, заказ пришел.

– Уже? – поразился я. – Но я же не готов?!

– Готов, не готов, – охотник пожал плечами, – вперед меня не лезь да не паникуй, и все будет отлично. Лучше учения нет, чем практика, да и заказ простой, от областной администрации Новгородской. Был прецедент на днях, оборотень пробрался в коровник и завалил с пяток коров, а заодно и сторожа. Повеселился он знатно, да и ошибок наделал кучу. Тамошние следаки с ног сбились, маньяка задумали искать, но знающие люди уже сложили два и два и дали запрос на охотника.

– То есть выезжаем?

– И чем скорей, тем лучше. Мало ли что зверюга еще измыслит? К вечеру будь у моего дома, выгоню уазик из гаража, как раз поможешь вещи перебросить. Документы о том, что ты работаешь в ЧОП и состоишь на учете как охотник от спортивно-стрелкового клуба, уже будут готовы.

Что взять на первую охоту кроме собственной головы,

особенно, если эта охота столь необычна. Провизию, конечно, надо чем-то питаться. Несколько банок тушенки, хлеб, вареные яйца, большой термос с кофе – более чем достаточно, к тому же Федор упоминал, что работенка простая, так что, думаю, перегружать себя не стоит. Что еще? Аптечка. Автомобильная ныне не подходит. Умники из законоотворцев настолько сократили и уменьшили несчастную коробочку, что и аптечкой её назвать сложно. Подойдет домашняя. Компас? Пусть будет. Спички и соль – тоже верно. Фонарик, конечно. Я прошелся по комнате, затем подошел к зеркалу и скептически оглядел себя. Во что я ввязываюсь? Худой, сутулый, очки на носу, больше на лаборанта похож, чем на охотника.

Переодевшись, я вновь встал перед зеркалом. Лучше, существенно лучше. Вопреки моему внешнему облику, форма мне шла. Старый тельник нашелся в шкафу, на пояс нож и зажигалку, вязаная шапочка тоже пригодится. Подумав хорошенько, я прихватил еще и свитер. Вроде готов. До часа икс оставалось еще много времени, так что, отцепив нож, я спустился во двор и отправился в магазин за минералкой.

Белые ночи – уникальное явление, воспеваемое поэтами, художниками и писателями всех времен, хоть раз побывавшими в Санкт-Петербурге. Но то они, я белые ночи не любил. Для того чтобы заснуть, мне требовалась абсолютная темнота, так что хорошие плотные шторы на окнах были константой любого моего места обитания.

Зайдя в магазин, я начал придирчиво выбирать напиток, не спеша прохаживаясь между длинных полок, и в этот самый момент оберег, выданный мне с утра охотником, больно ударил в грудь. Вот те раз! Аккуратно обернувшись, чтобы не вызвать лишних подозрений, я начал осматривать посетителей магазина. В дальнем углу зала, напротив полок с мясом, стояла Варвара. Точнее, даже не сама Варвара, а её копия, постаревшая лет эдак на двадцать, а то и больше. Простое платье, сумочка на сгибе локтя, бусы-кругляши из темного камня на шее. Ведьма, судя по всему, морочила, даже не подозревая, что за ней наблюдают. Кто бы мог подумать, что оберег не только устраняет воздействие, но и активно сигнализирует об опасности! Учтем на будущее. Бросив, уже не глядя, бутылку минералки в корзину, я как ни в чем не бывало направился в сторону мясного ряда, чтобы убедиться, что мои подозрения имеют почву, и тут же получил еще один удар в грудь, который заставил несколько сбавить ход и болезненно поморщиться. Если оберег и дальше будет так лупить меня в солнечное сплетение, толку от меня будет ноль. А вот и сама жертва – невысокий черноволосый выходец с Кавказа. Шорты, сандалии с черными носками, отвисшее брюшко и небритость – все при нем. Черт с ним, не люблю я их.

Расплатившись на кассе и выйдя на улицу, я тут же позвонил Федору.

– Рыжая, значит, – усмехнулась трубка. – Нехорошо. Гнез-

до где-то завелось, в самом городе. Проследить сможешь?

– Попробую, – подумав, решил я.

– Попробуй, – отозвался охотник, – только если что почувствуешь, вали сразу, не подставляйся, а я пока сообщу, куда следует.

Вытянув из пачки сигарету, я закурил и прислонился к стене дома, изображая досужего зеваку, которому абсолютно нечего делать в этот теплый летний день. Ведьма не заставила себя долго ждать и вскоре появилась в дверях магазина под ручку с толстяком. Тот бурно жестикулировал, сыпал комплиментами, а постаревшая Варвара улыбалась и кивала.

Главное, чтобы машину не взял, подумалось мне, но опасения были беспочвенны, парочка направилась вдоль по улице. В руках у мужчины я заметил бутылку коньяка. Знал бы ты, джигит, какой сюрприз тебя ожидает чуть погодя! Отделившись от стены, я медленно двинулся вслед удаляющейся ведьме и кавказцу, дважды перешел через дорогу и, уже далеко отойдя от дома, заметил подъезжающую ко мне полицейскую машину. Из притормозившего уазика вышел сержант и козырнул мне:

– Сержант Симонов, ваши документы.

Я с готовностью протянул ему паспорт, но он, к моему удивлению, уделил ему слишком мало внимания, бегло пролистав страницы.

– Мы от Федора Павловича, – подмигнул он. – Где объект?

– Вы тоже охотники? – поразился я.

– Нет, – отмахнулся полицейский, – но происшествия на участке нам тоже без надобности.

– Вон они, – я кивнул в сторону удаляющейся парочки. – Что делать будете?

– Шуганем, – кивнул сержант. – Ведьму брать не будем, не по зубам она нам, а сына гор заберем до выяснения в участок, пусть посидит немного. Для него полезно. Ну, и жив заодно останется. Сейчас устроим шоу, а ты не отвечивай. Проследишь за ведьмой до гнезда, и баста. Федор Павлович на это особые инструкции дал.

– А как вы меня так быстро нашли? – засомневался я.

– По мобиле, конечно, – усмехнулся парень. – Есть мобила, есть сигнал. Физиономическое описание имеется, все проще пареной репы.

– Удачи, – кивнул я.

– И тебе не хворать, – сержант протянул мне паспорт и поспешил в машину.

Дальше все происходило буднично. Автомобиль вновь притормозил, правда, из него теперь вышли двое, сержант и его коллега в бронежилете и с автоматом. После недолгих препирательств мужчина был изъят из обращения, и полицейский уазик, наддав, унесся дальше по улице, а ведьма исчезла.

Вот была она, и как будто растворилась. Я заозирался по сторонам и вновь получил удар в грудь, да такой, что потемнело в глазах.

– Здравствуй, охотник, – послышалось из-за спины.

– Привет, ведьма, – невозмутимо произнес я и, сделав шаг в сторону, обернулся. Рыжеволосая стояла позади, чуть в тени дома, и внимательно смотрела на меня.

– Ты испортил мне охоту, а я этого не люблю, – пояснила та.

– Забыл тебя спросить, – усмехнулся я, поразившись собственной наглости.

– Неужели тебе жалко это подобие человека? – перешла в словесное наступление тварь. – Ты видел его? Это мрак, ни искры, ни света, нет в нем ничего, пустая оболочка и инстинкты. Да я вам подарок, можно сказать, делаю.

– Что-то я такого праздника не припомню, чтоб подарки раздавать, – пожал я плечами. – На жертву твою мне начхать, если честно. Смущает то, что потом она делать будет.

– Будешь убивать? – усмехнулась моя собеседница. – Сможешь ли?

– Не буду, – тоже усмехнулся я. – Дел у меня масса, да и не заплачено за тебя, но если и дальше будет развиваться в подобном ключе, то заказ себя ждать не заставит.

– Прощай, охотник, – ведьма развернулась на каблуках и скорым шагом направилась в противоположную сторону, видимо смекнув, что в гнездо сейчас соваться не стоит, а я еще раз позвонил Федору.

– Вот даже как, – Федор замялся. – Поговорить ей захотелось. Плохи дела, совсем плохи.

– Чем же плохи? – поинтересовался я.

– Всем, – раздалось из динамика. – Если эти твари среди бела дня по улице разгуливают, то либо силы набрались, либо поддержка нешуточная имеется. Сообщу коллегам, надо будет обмозговать на досуге, а заодно посты у роддомов выставить. Всех, конечно, спасти не сможем, чай не Чип с Дейлом, но такой склад сладостей надо бы прикрыть от греха подальше. Рожу хоть кирпичом сделал, когда с тварью разговаривал?

– Был круче Рэмбо, – успокоил я охотника. – Страшно, правда, было до жути, до сих пор коленки подгибаются.

– И не беспочвенно, кстати, – усугубил мои опасения Федор. – Ведьма старая, опытная. Сначала по тебе наваждением попыталась шарахнуть, её в ответ и долбануло, небось, неслабо. Сразу смекнула, что ты не корм, а вовсе даже наоборот. Не кинулась тоже, наверное, из-за амулета, сильный он, дорогой. Новичкам такие не положены, не заработали еще, а связываться с опытным охотником, видать, побоялась. Ты, кстати, не забыл, что у нас сегодня по плану выходного дня небольшая поездка?

– Куда уж там.

– Тогда ноги в руки и ко мне, жду у подъезда через час. Как подойдешь, ищи серебристый «Патриот».

– Понятно. – Положив трубку в карман, я еще раз огляделся. Редкие прохожие неторопливо шли мимо меня, по проезжей части проносились автомобили, ведьмы, конечно, и след

простыл.

– Так Новгород Великий? – еще раз переспросил я охотника.

– А ты что думал? – поразился тот. – На Нижний свои охотники имеются. На вот лучше, держи, – достав из багажника небольшую, но тяжелую сумку, Федор передал её мне. – Документы там, «Ижак» с кобурой, пара коробок патронов. Кобура наплечная, так что теперь ты точно как Рэмбо.

– Смешно, – я открыл сумку и вытащил из нее документы. Фотографии, имя – все мое, да и выглядят вроде как настоящие.

– Самые настоящие, – как будто прочитал мои мысли охотник. – С такими хоть по улице ходи, хоть в аэропорт зайди до ветру. По всем базам ты есть.

«Патриот» чихнул выхлопной трубой, рыкнул мотором и рванул с места, оставив за собой клуб сизого дыма.

– Ехать часа три, так что сиди и получай удовольствие от поездки. – Федор щелкнул клавишей магнитолы и запустил диск. Из динамиков тут же послышалась музыка доселе не известной мне команды. – Кстати, друг ситный, права имеются? Ну, в смысле машину водить умеешь?

– Учился в свое время, – признался я, – права даже где-то дома валяются. Вот только давненько не практиковался.

– Практика – дело наживное, – решил охотник, – найдешь права, сделаем тебе доверенность, на проселочных дорогах

потренируешься, а там и за руль посажу. Утомительно это, целый день за баранкой.

Проскочив центр, УАЗ вышел на Московский проспект и не спеша покатил на выезд из города. В открытое окно задувал прохладный бодрящий ветер, и я, откинувшись на спинку сиденья, действительно начал получать удовольствие от поездки. Создавалось впечатление, что не на работу еду, а на шашлыки. Веселая музыка, вечер, отличная погода – что еще для счастья надо?

– У меня кофе есть, – вспомнил я.

– Оставь, – отмахнулся Федор. – Попозже попьем твой кофе, как на трассу выедем, пока без надобности.

– Больше никаких сведений не поступало? – поинтересовался я.

– Не, затаился, гаденыш, – вздохнул Федор, – понял, видать, что дел натворил, да и залег на дно. Но ничего, вычислим. Он там так наследил, что проще было бы записку с фамилией и местом жительства оставить.

– А оборотни, они из себя какие?

– Разные на самом деле. В большинстве случаев все зависит от человека. Если, скажем, некрупный мужичок, то и скотинка из него плюгавенькая получится. Если хромал или там глаз у него один, то такой и будет. В общем, все повреждения или отклонения человеческой личины на зверину передаются, но вот, скажем, если ранят уже в обратном состоянии, то заживает все как на собаке. Регенерация у них

колоссальная, были прецеденты, что и уши себе новые отращивали, и пальцы.

– Ну, а если руку, к примеру, оттяпать? – поинтересовался я.

– Загнул, брат, – хохотнул охотник. – Эдак никаких сил не хватит, да и не это самое интересное.

– А что? – заинтересовался я.

– Обращение, – кивнул Федор. – Сама трансформация, кстати, весьма для них болезненна, некоторые даже вырубаются от болевого шока, перекидываясь в ту или иную личину. Смущает другое, как они вообще становятся такими?

– Разве не ясно? – удивился я. – Укусит один другого, небось, вот и новый кандидат.

– Ага, разбежались, – хмыкнул охотник. – Наши ученые вдоль и поперек уже их исследовали, чуть ли не по клеткам разобрать успели, но только руками разводят. Болтают что-то про особый узел, который за это отвечает.

– Следовательно, если этот узел удалить хирургическим путем... – начал я.

– То мы получим либо мертвого оборотня, либо мертвого человека, – пояснил Федор. – Неоперабельные они.

– А что за ученые у вас? – сообразил я.

– Самые обычные, в халатах белых, на тебя похожи.

– Так уж и похожи?

– Как братья-близнецы, – заверил Федор. – Все четырехглазые.

– Дались тебе мои очки, – вздохнул я. – Кто, кстати, их финансирует, ученых ваших?

– Как кто? Правительство, конечно, больше военные, но и МИД иногда. Для нас они тоже неплохой приработок. Нет-нет, да и закажут зверюгу на опыты, а нам и в радость.

С минуту ехали молча.

– Слушай, Федор, – начал я издалека, – вот документы эти, скажем, откуда они?

– Знамо дело, откуда. Из того места, где эти документы делают.

– Что? Вот так просто и делают? На ношение оружия? Полиция с вами опять же накоротке. Мне так и заявил тот сержант, мол, я от Федора Павловича, будто ты шишка какая из их ведомства, а не вольный охотник.

– Сдаюсь, – улыбнулся Федор. – Надо было тебе, конечно, раньше сказать, но побоялся отпугнуть, после армии ты, и вообще.

– Что вообще? – не понял я.

– К госструктурам как относишься?

– Отвратительно, – признался я.

– Об чем и спич.

– Ну, а все-таки?

– Ну, если интересно, расскажу. Действительно, все охотники, от мала до велика, состоят на государственной службе. Именуемся мы не иначе как тринадцатый отдел и выступаем как приглашенные специалисты. Все, без исключения, име-

ют воинские звания. В каждом крупном населенном пункте есть свой координационный центр, что-то типа штабквартиры. Туда стекаются разрозненные данные, и умные парни за компьютерами вырисовывают картину происшествия. Если совпадения имеются, отзваниваются агентуре в поле.

– А ты кто по званию?

– Капитан.

– Ничего себе, – охнул я.

– Так я со службы старлеем ушел, – пожал плечами Федор. – Стандартная практика.

– Я, следовательно...

– Младший сержант, – кивнул охотник.

– Но почему я? Почему ты меня нанял, а не кого-то другого?

– Вот только о человеке хорошее подумаешь, так он сразу спешит дураком себя выставить, – покачал головой Федор и вытащил из бардачка коротковолновую рацию, – сейчас с местными свяжемся.

Рация поспешила зашипеть и замигать зеленым диодом.

– Великий-один, я Филин. Как слышно? Прием.

– Это Великий. Слышим тебя, Филин.

– Плановый рейд, мастер-охотник плюс курсант. Запрашиваю обстановку по плану.

– Все спокойно, объект не безобразничал, но и зону не покидал. Сбрасываем координаты места.

Сзади что-то зашуршало.

– У тебя и факс тут есть? – удивился я.

– И факс, – кивнул Федор. – Давай листик.

Перегнувшись через сиденье, я оторвал полоску факса с цифрами, вышедшую из консоли между посадочными местами.

– А почему ты во мне разочаровался вдруг? – вернулся я к прежнему разговору.

– Ты серьезно думаешь, что тебя я нанял? – поинтересовался Федор и, мельком пробежав глазами по цифрам, принялся поправлять курс навигатора.

– Ну, а как же?

– Да так, дурья твоя башка. Найти охотника крайне сложно. У человека должна быть голова определенным образом устроена. Будь ты даже самый, штучной выделки душегуб, ничего у тебя не выйдет, если в реальной обстановке с домовым схлестнуться придется. Нормальный человек как мыслит? Если домовый, то сказка, а если сказка, то как она опасной может быть? Кто первый бой проходит, тот потом либо крышей едет, либо пить начинает. В общем, не боец, да и еще масса всякого.

– Например? – заинтересовался я.

– Например, интеллект, не путать с высшим образованием. Тут как раз одно с другим не связано. Далее по списку: естественно, психологическая устойчивость, служба в армии, спортивные разряды и прочие вкусности хоть и желательны, но вместе с первыми двумя пунктами дружат редко.

Тебя, как я понимаю, почти с пятнадцати лет поставили на учет как потенциального охотника.

– Это кто же?

– Военкомат, – таинственным голосом сообщил Федор. – Это их вторая функция, после обеспечения призыва, выявлять одаренных, следить за ними, чтобы не набедокурили да в горячую точку не попали. По этой же самой причине не берем ветеранов войн, те зачастую контужены на голову. Ребята в сущности отличные, бойцы отменные, но нет у них неординарного мышления, потому и гибнут пачками. С кадрами, сам понимаешь, беда.

– Тринадцатый отдел, получается, военная организация? – прищурился я.

– Полувоенная, – успокоил меня Федор. – Раз в три года медкомиссия, аттестация на навыки владения оружием, ну и подготовительный лагерь для тех, кто все-таки вписывается во всю эту историю.

– А были такие, кто отказывался?

– Да сколько угодно, – скорчил кислую физиономию Федор.

– И что? Не боитесь?

– Чего бояться-то?

– Того, что после всего этого побежит отказник в ближайшую газету да будет соловьем заливаться о своих приключениях.

– Не боимся. – Федор закончил вбивать новые координаты

и перебросил листок факса через голову на заднее сиденье. – Вот ты сам посуди, что бы ты сказал человеку месяца эдак два назад на такие рассказы?

– К психиатру обратиться бы посоветовал, – кивнул я, – и чем скорее, тем лучше. Но это я, а та же «желтая пресса» – они же кормятся с подобных историй. Вон, возьми любую газетенку в руки, так и пестрят заголовками типа «Вампир-гермафродит напал на пенсионерку и высосал у нее всю пенсию» или «Оборотня не пустили в ночной клуб».

– Ах, эти, эти нормально, – улыбнулся охотник. – Все желтые газеты – это наши подразделения по сбору информации.

– Да, – протянул я, – круто у вас все поставлено, а сразу ведь и не скажешь. Ван Хельсингу до вас далеко.

– Ну почему же далеко, – возразил Федор, – Джон Ван Хельсинг – старший координатор в Великобритании. Кстати, прямой потомок тех самых Ван Хельсингов, а в частности Габриэля, одного из первых серьезных охотников, и Абрахама, доктора философии и мистика, впервые схлестнувшегося с вампирами по-настоящему.

– Как говорил один из персонажей Льюиса Кэрролла, все чудесатее и чудесатее. Ехать еще долго?

– Судя по новым координатам, еще часа с полтора, не меньше.

– Кофе?

– Не откажусь.

«Патриот» накрутил на свои колеса уже километров четыреста, пока, наконец, навигатор не просемафорил о правом повороте через четыреста метров.

– Подъезжаем, – пояснил Федор, сворачивая на проселочную дорогу. – Теперь я Филин, а ты – Кот. Это наши позывные, откликаемся только на них и никак иначе. Смотри, не забудь.

– Хорошо, Филин, – кивнул я.

– Рацию дам, гарнитуру повесишь на ухо и не снимай, – продолжил Филин. – Со всеми официальными лицами, будь то полиция или администрация районная, разговаривать буду я и только я. Это, надеюсь, тоже понятно. – Получив от меня утвердительный кивок, охотник сверился с какими-то своими записями. – Теперь вкратце о месте происшествия. Бывший колхоз-миллионер, в прошлом дворов на сто, сейчас душ сорок, не больше. Как и во всех подобных пунктах, все друг друга знают с рождения, зачастую родственники, так что если бы появился кто чужой, заметили бы сразу. Какой отсюда вывод напрашивается?

– Что оборотень не из этого поселка? – предложил я.

– Или, что хуже, из этого.

– А что же тут плохого?

– Дедуктивный метод с тобой не дружит, – улыбнулся Филин. – Объясняю. Если вдруг оборотень из этого села, то его никто не сдаст, а если копнем глубже, то всем селом встанут на его защиту. То, что сторожа убил, дело десятое, это их

крест. Своего не сдадут однозначно. Еще одним узким моментом в таком деле может быть наличие не одного и даже не двух, а скорее всего, трех оборотней. Семья, скажем, мать, отец и сын. Надо обязательно обратить внимание, если такие вдруг нарисуются. По поведению – оборотень молодой, так что и искать нужно либо девку, либо парня, желательно до двадцати лет.

– Как представляться будем?

– Да уж не как охотники всяко. В первом случае не поймут, а во втором и прибить могут ненароком. Сейчас мы с тобой два следователя из Санкт-Петербурга. В бардачке корочки.

– погоди, – остановил я охотника, – неувязочка выходит. Это что же получается, мы с тобой следователи Филин и Кот?

– Ты, – Федор достал из бардачка две красные корочки и одну засунул в карман, а вторую протянул мне, – младший сержант Котов, я капитан Филинов. В том, что будем по фамилии общаться, особой беды нет. Ты, главное, рта особо не разевай, да по сторонам смотри. Селяне начальство городское уважают, но не любят. Появление такового обычно проблемами светит, так что на хлеб-соль не рассчитывай. Кобуру с ИЖом одень под куртку, может пригодиться. Власть при оружии всегда авторитетнее была.

Тем временем в свете фар наконец показался первый дом, с крашеным зеленым забором, затем второй, и мы, выехав

на центральную улицу, осторожно покатали к зданию администрации.

На пороге нас встретил сам глава, из окна заметив городские номера внедорожника.

– Михаил Афанасьевич, – протянул руку для рукопожатия высокий, гладко выбритый мужчина лет сорока.

– Следователь особого отдела при прокуратуре Санкт-Петербурга, Филинов, – представился Филин, однако руки по своему обыкновению не подал.

Возникла неловкая пауза.

– Следователь Котов, – поспешил представиться я. – Вот наши документы.

Михаил Афанасьевич внимательно изучил представленные корочки, но сделаны они были максимально правдоподобно. Потертости и сгибы и те присутствовали.

– С чем изволили пожаловать, господа следователи? – вдруг изменившимся елейным голосом произнес сельский глава и как будто даже стал меньше ростом.

– Дело об убийстве Артема Замкова передано нам, вот и решили посмотреть на месте, – кивнул охотник и зло зыркнул на меня, заткнись, мол, дурак. – Именно Замков же был ночным сторожем на ферме, где произошел инцидент?

– Он, – закивал Михаил Афанасьевич, – но что же вы стоите на пороге? Милости прошу ко мне в кабинет. Задержался, вот, столько дел, а тут и вы на ночь глядя.

Кабинет у Михаила Афанасьевича был без изысков. Ста-

рый рабочий стол, несколько стульев, допотопный дисковый телефон из тех, что «в Смольный звонить», да портрет действующего президента на стенке, ибо так положено.

– Проходите, чаю будете? – глава, пропустив нас вперед, указал на стулья и было направился к чайнику, но Филин замахал рукой:

– Оставьте, мы сюда не чай приехали гонять.

– Служба, – расплылся в улыбке глава, – как я вас понимаю.

«Нет, не понимаете», – чуть было не брякнул я фразу из затертого рекламного ролика, но вовремя сдержался.

– Давайте так, уважаемый, Михаил...

– Афанасьевич, господин Филинов, – с готовностью напомнил глава.

– Так вот, Михаил Афанасьевич, – согласно кивнул охотник, – расставим все точки над и. Мы с коллегой вам как кость в горле, да и нам поездка эта не в радость. Начальство почему-то засуетилось, требует детального отчета. В чужие дела мы лезть не будем. Самогонку там искать, или что у вас тут еще есть, нам без надобности, делайте что хотите, но если поможете с нашим делом, уедем существенно раньше.

– Так с великим удовольствием, – картинно всплеснул руками глава, после чего мне почему-то отчаянно захотелось съездить ему в ухо. Очень уж фальшивая была у него в тот момент морда. – Я все из первых уст, должность обязывает, – продолжал он. – Такого у нас отродясь не было, жили сво-

им миром, не тужили, а тут нате. Я ведь так и предполагал, что ничего хорошего не выйдет с этим приезжим. Либо пить начнет, либо безобразничать, а тут вот как вышло.

– Значит, Замков не местный? – удивился Филин.

– Приезжий, – подтвердил Михаил Афанасьевич, – с полгода у нас живет. Приехал, значит, на наследство свое полюбоваться. Преставился с год мой сосед, Поликарп Замков, ну родственников из города и понаехало. Пробыли недолго, впрочем, да и не шумели, а через полгода явился этот самый Артем, поселился на правах хозяина.

– Логично, – кивнул охотник, – если право на вступление в наследство не оспаривается в течение полугода. Значит, дом ему достался?

– Достался, – закивал глава. – Документы все в порядке были, чего препятствовать? Дом хотите посмотреть?

– Не сейчас, – покачал головой «следователь», – сейчас бы просто поспать, устали с дороги, как собаки.

– Так остановитесь у меня, – вдруг предложил Михаил Афанасьевич. – Жена с дочкой на неделю уехали в город, дом пустой почти. Отряжу вам шикарную комнату!

Открыв глаза, я еще минут пять смотрел в потолок, не понимая, где нахожусь.

– Вставай, – Филин уже поднялся и успел одеться и побриться и сейчас копался у себя в рюкзаке. – Меняются обстоятельства, стремительно меняются. Ни в одном отчете не

было сказано, что покойник не из местных, да и история странная. Приехал парень из города, поселился в доме деда, сторожем опять же работал ночным. Зачем ему это? У Замкова закончен вуз, пять лет работал финансовым консультантом в какой-то конторе, и вдруг его к земле потянуло.

– Странно, – согласился я и, сев на кровати, принялся одеваться.

– Это еще мягко сказано, – заверил меня охотник. – Дом надо осмотреть первым делом, есть у меня кое-какие мысли, да и в коровник сходим.

– А завтрак? – испугался я.

– Все бы тебе брюхо набить, – покачал головой охотник. – Иди, умывайся, наш хозяин уже и стол накрыл.

На завтрак Михаил Афанасьевич приготовил с десяток вареных яиц, гречневой каши с тушенкой и кофе, за что ему от меня отдельное спасибо. За стол сели все вместе.

– Дом опечатан, надеюсь? – как бы невзначай поинтересовался Филин.

– И дом, и коровник, – кивнул глава. – Все ваши опечатали и уехали. Оставшихся буренок еле успели увести в другое помещение.

– Это хорошо, – Филин положил себе каши из кастрюли и принялся за завтрак. – Что, кстати, сами думаете по поводу приключившегося?

– Даже не знаю, что и сказать, – развел руками Михаил Афанасьевич.

– Ну, подозреваете, может, кого? – предложил я.

– А кого подозревать?! – вскинулся глава. – Все же свои, всех знаю, кого так, а кого и с пеленок. Если и убил его кто так зверски, то только не из наших.

– А свидетели были? Ну, может, кто слышал что?

– Были, – кивнул Михаил Афанасьевич, облупливая яйцо, – ваши же и допрашивали.

– С делом до конца не ознакомились, – отмахнулся Филин. – Так что со свидетелями?

– Да ошивался там неподалеку Денис Панкратов, механизатор наш. Шел от свояченицы под градусом, ну и слышал вроде что.

– Поговорить с ним можно?

– Если вечером, – предложил глава, – сейчас все в поле.

– Вечером так вечером, – легко согласился охотник. – Тогда сначала дом посмотрим, потом коровник.

– Так он неподалеку, – напомнил Михаил Афанасьевич, – вон, из окна виднеется.

Позавтракав, мы вышли во двор и направились к дому. Глава было увязался за нами, но Филин вежливо поблагодарил инициативного товарища и, пообещав зайти позже, отправил восвояси, предварительно забрав ключи.

На двери дома имелась белая бумажка с печатью и размашистой подписью кого-то из полицейских, которая тут же была сорвана и отправлена в карман. Филин вставил ключ в замок, и тот, щелкнув, отомкнулся, пропуская нас внутрь

жилища почившего Замкова.

– Постой у двери, – попросил меня Филин и, встав на четвереньки, принялся обстукивать пол. Это интереснейшее, с его точки зрения, занятие заняло у него минут двадцать.

– Что ты пытаешься найти? – поинтересовался я.

– Не пытаюсь найти, а хочу подтвердить одну сумасшедшую мысль, – пояснил Филин и принялся за осмотр ящиков и кровати. – Не складывается картинка, понимаешь?

– В чем же она не складывается?

– Да во всем, – даже обиделся охотник. – Пойми ты, дурья голова, что человек городской, офисный работник к тому же, не поедет в деревню сторожем работать. Замков не был ни сектантом, ни кем другим из ряда вон выходящим, чтобы бросать высокооплачиваемую, по местным меркам, работу. Зачем ему это?

– Твоя правда, – согласился я, – зачем?

– Да за тем, похоже, – Филин окончательно влез в платяной шкаф и, включив фонарик, вещал уже оттуда, – что казачок-то засланный был. Приехал он сюда намеренно, для какой-то своей цели. Вот, кстати, – из шкафа появилась рука, держащая за веревку оберег – красный, грубо обработанный камешек, – первая ласточка.

– Что это? – поинтересовался я.

– Кровавый глаз, – пояснил вылезший из шкафа охотник. – Для простого следака – безделушка, а для нас – красная ракета. Такой оберег обычно используют при охоте на

любую нечисть, что в полнолуние активна. Красный глаз заснуть не дает. Что из этого следует?

– Что покойному нужно было следить за кем-то и обязательно ночью? – предположил я.

– Делаешь успехи, – кивнул Филин и прошел в гостиную, которая по совместительству являлась и столовой.

– То есть парень охотник? – уточнил я.

– Ни в коем случае, – послышалось из спальни. – Красный глаз можно вполне свободно купить и не будучи охотником. Журналист, скорее, или детектив частный. Вот только что его сюда принесло? Наши так не работают и сторонних специалистов не привлекают. Вот, кстати, еще интересная вещь, иди сюда, посмотри.

Филин снял с полки толстую книгу в черном кожаном переплете и протянул её мне.

– Полюбуйся!

– «Классификация нечистой силы», – прочитал я. – Это же кто такие книги издает?

– А никто, – хмыкнул охотник. – Ты её открой, она наверняка самописная, только буквы на обложке типографским способом получены, а дальше текст от руки. Да и на остальные книги посмотри, все один к одному: «Заговоры для тела», «Вампиры и вурдалаки, кто есть кто», – да тут их чертова уйма. Все книжки, судя по всему, покойный с собой приволок, вон старые стопочкой рядом лежат. Хозяйские снял, а свои аккуратно поставил. Дорогие, не иначе.

– Справочный материал? – предположил я.

– Да какое, беллетристика сплошная. Я одну такую книжицу просмотрел наискосок, чистой воды фантастика, реализму ноль.

– Так что же получается?

– А получается вот что, – Филин уселся на стул и закинул ногу на ногу. – Мы имеем одного мертвого фаната, может быть писателя, может быть еще кого. Не исключено, кстати, что никакой он не Артем Замков, а имя это вымышленное. Подготовку он провел знатную. Справил себе документы на фиктивное имя родственника, недавно умершего старичка Замкова, приехал сюда – машина его не из дешевых во дворе стоит, – устроился на ферму. Интересно только, почему именно сюда и почему в коровник? У парня явно были какие-то сведения. Откуда он их достал, тоже хорошо бы выяснить, но сам факт его смерти говорит о том, что сведения верные. Фотографии из морга я видел, горло погрызено будьте нате. Сейчас посмотрим машину, и прямиком на место преступления.

Автомобиль, хороший японский внедорожник, стоял, прикрытый брезентом, не меньше месяца. Трава рядом с колесами мало того что расправилась, но еще и существенно вымахала, так что было похоже, что не во дворе стоит машина, а в поле.

– Что же вы, господа полицейские, так халатно машину-то осмотрели, – Филин запустил руку под крыло и вытащил от-

туда небольшой пакет. Вскрыв его перочинным ножом, вытащил на свет аккуратный импортный пистолет. Отправив оружие в карман, он отряхнул руки и весело посмотрел на меня. – Что я говорил?

– В коровник?

– Куда уж без него.

Путь до места преступления занял не меньше двадцати минут пешком. Идти пришлось по центральной улице вдоль всех еще обитаемых в поселке домов. Из труб некоторых шел дым, кто-то работал во дворе, заготавливая дрова, кто-то болтался без дела. Коровник представлял собой длинное одноэтажное здание серого кирпича с маленькими окошечками под самой крышей, проходящими по всему периметру. Большие деревянные ворота имели такую же бумажку, сестрицу той, что лежала сейчас в кармане у Филина, и большой навесной замок. Филин, впрочем, в коровник не пошел.

– Стой на месте, – приказал он мне, а сам принялся нарезать круги вокруг здания. Периодически останавливался и что-то рассматривал в траве, записывая наблюдения в блокнот и то и дело бормоча что-то под нос. Пройдя вокруг всего здания по периметру, он остановился на том месте, с которого начал, а потом быстрыми шагами направился к воротам. Отомкнув замок и потянув за створку, он проник внутрь и поманил меня за собой: – Посвети.

Я с готовностью последовал за ним, по пути доставая свой фонарик.

– Ну и вонь, – признался охотник.

– Так коровник же, – поразился я, – что ты тут ожидал?

– Не об том спич, – Филин подошел к ограждению и, перегнувшись через него, осмотрел бурые пятна на соломе. – Ты, кстати, в доме больше ничего любопытного не заметил?

– Нет, – пожал я плечами.

– Ясно, – встав на колени, охотник пополз по полу, что-то выискивая под соломой. Наконец встав, отряхнул штаны и направился к выходу. – Уезжаем.

– И оборотня ловить не будем? – поразился я.

– В следующий раз обязательно, – засуетился охотник, – в следующий раз.

В недоумении я наблюдал, как Филин быстро собирает рюкзак, не глядя кидая туда вещи.

– Собирайся живее, – прошипел он. – Быстро уносим отсюда ноги, только аккуратно, не привлекая внимания. Поработали следователи для проформы, и ладошки.

– Ничего не понимаю, – пожал я плечами. – Толком не объяснишь?

– Позже, – скривился охотник.

– Уже уезжаете? – в дверях спальни появился Михаил Афанасьевич.

– Уезжаем, – заулыбался Филин, – дело тут ясное, а в конторе и так хлопот полон рот. Что-то захотим выяснить сверх того, обязательно с вами свяжемся.

– И свидетеля не будете допрашивать? – удивился глава.

– А чего парня дергать лишний раз? – отмахнулся Филин, как бы случайно распахнув полу куртки, откуда показалась рукоять пистолета. – Я же говорил, для галочки.

– Ну, бог в помощь.

Выезжали из деревни не спеша, но было заметно, каких сил стоит Филину не вдавить педаль акселератора в пол. За деревней ускорились. Выехав на трассу, охотник, притормозив, оглянулся.

– Да что происходит, ради всего святого?! – не выдержал я.

– Да вот что, – усмехнулся Федор и, вытащив из бардачка рацию, вызвал центрального.

– Слышим тебя, Филин, докладывайте.

– Дело не в нашей компетенции, – произнес охотник, надавив на кнопку на рации, – спускайте спецназеров, пусть деревню окружают и берут их всех. Если нагрнете минут через десять, найдете много интересного.

– Вызов был с самого начала почти надуманным, – пояснил мне Федор по дороге домой. – Место тут нехорошее. Раз в год кто-то обязательно Богу душу отдавал. То фельдшер заезжий шею ломает, то специалист из центра повесится. Три трупа за последние три года – это, знаете ли, нездоровая тенденция. Следаки было сунулись копать, да не нашли ничего, как ни бились. Секта это, а никакая не деревня, сата-

нисты драные. Живут одной общиной закрытой, но делают все так, что комар носу не подточит.

– Но не проще ли было прятать трупы? – удивился я.

– Не проще, – хмыкнул Федор. – Ты вот, Антоша, сам головой подумай, есть человек и вдруг исчез. Куда исчез, зачем исчез, почему? Много вопросов, много людей, глядишь, и накопают что, а если, к примеру, выдать все за бытовуху, то все становится просто. Приезжает полиция, все освидетельствует, увозит труп, и все живут дальше долго и счастливо. Не знаю уж, как они заманивали к себе этих бедолаг, но гибли-то люди думающие, самостоятельные и зачастую при деньгах.

Первое подозрение в ритуальном убийстве появилось у меня сразу, как я узнал, что ничего у погибших не пропало, а тот факт, что они на тот момент являлись единственными не местными, лишь подтвердил мою догадку.

– Но как тогда быть с последней жертвой? – удивился я. – Замков же погиб насильственной смертью.

– Вот с этим у них явно вышла промашка, – улыбнулся Федор, крутя баранку. – Все ритуальные убийства проходят по четко выверенной схеме, в строго отведенное время и с соблюдением массы правил и условностей. Замков явно был человеком острого ума, и заманили они его, в сущности, по каким-то своим каналам. Может, сказали, что живого вурдалака или оборотня покажут, может, еще что, но что-то сорвалось. Покойный, очевидно, догадывался, что его дурят,

и потому в один прекрасный момент вдруг засобирался домой, предварительно, кстати, собрав все вещи. Сумки стояли около его кровати, мог бы сам заметить.

Конспирация у них была на уровне, покойный до последнего момента не подозревал, что с ним может что-то случиться. Пистолет, который я нашел под крылом автомобиля, так ни разу и не доставали. Ночь его смерти, очевидно, была последней ночью, которую он должен был провести у сектантов, и поэтому им пришлось действовать на скорую руку. Пентаграмму на полу и то чертили впопыхах, углем, не выполнив многих важных элементов. Вокруг самого коровника я обнаружил в основном человеческие и собачьи следы, но это же деревня. У каждого во дворе по собаке.

– Господи, – охнул я. – Они же нас ночью прирезать могли.

– Вполне вероятно, – кивнул Федор, – но с наскока действовать не стали, и так наколбасили черт знает что. Одно дело, порвать горло ночному сторожу, и уже совсем другое, убить двух следователей-криминалистов. Немного другого полета фигуры, чтобы пустить все на самотек и глухаря присвоить.

– Значит, ты сразу знал, что дело может и не закончиться охотой? – спросил я, открывая окно и доставая сигарету.

– Подозревал, – кивнул Федор. – Во всем есть порядок, последовательность, правило, что ли. Все три основных вида оборотней имеют свой характерный почерк. К примеру, лютичи, наш эквивалент СОБРа или спецназа, работают чет-

ко, без спецэффектов, молодняк особо вперед не пускают, да и держатся группами по две-три особи, наследили бы, коли подошли. Вервольфы – наши с тобой коллеги, охотники, виртуозы в сталкинге, но могут сплеховать при выборе времени атаки и натворить таких дел, что подозрение было у меня именно на эту породу.

– А третьи? – спросил я. – Ты говорил о трех видах.

– Волхвы, – кивнул охотник. – Шаманы они, сами не убивают. Исключением становится ритуальная охота, их я вообще не учитывал. Все они сильные и опасные противники, и если бы не их природная разобщенность, то им ничего бы не стоило стать хозяевами этого мира, окончательно опустив человека по пищевой цепочке. Вот с кем я борюсь, понимаешь? Я сам ждал доброй охоты, а на поверку обнаружил стадо деградирующих убийц и поклонников странного культа. Сторонюсь я этого, не понятно оно мне, потому и бегу сломя голову.

– Именно поэтому ты ушел из армии и не пошел в полицию? – предположил я.

– В точку! – подтвердил Федор. – С каждым вопросом все точнее и точнее чувствуешь ситуацию.

– Я вообще легко обучаем, – кивнул я. – Работу-то нам оплатят?

– Куда денутся. Правда, всего пятьдесят процентов от стандартного гонорара на оборотня, – пояснил Федор. – На жизнь хватит, а потом посмотрим. Ты, кстати, в деле до сих

пор?

– Раз уж начал... – пожал я плечами.

– Вот тебе адресок, – охотник покопался во внутреннем кармане и вытащил оттуда картонный прямоугольник, – приедешь туда, представишься.

– Что там?

– Штаб подготовительного лагеря, конечно. Там тебе и матчасть, и навыки.

– Как же я без них раньше? – удивился я.

– Ты, парень, видимо, много о себе думаешь, если решил, что я тебя, зеленого, на взаправдашнего вервольфа бы выпустил, – хохотнул Федор. – Связал бы и в машине запер, если б дела плохи стали и тварь оказалась матерым волчищей, а не щенком. Учиться тебе надо. В любом случае первый тест на сообразительность и устойчивость психики ты уже прошел на ура.

Федор Павлович в итоге взялся подвезти меня до тренировочной школы, так что из дома я отбывал с комфортом, на авто.

– Из вещей только средства личной гигиены, – напутствовал он меня. – Мобильные телефоны разрешены, как, впрочем, и доступ в Интернет, но в школе распорядок четкий. Особенно много абитуриентов ты там не встретишь, тридцать, на край сорок человек, и то разных ступеней обучения.

– А ступеней сколько? – заинтересовался я.

– Четыре, – охотник пустился в разъяснения: – Каждая ступень соответствует роду деятельности. Есть охотники, специализирующиеся только на жити, есть те, кто практикует нежить, третьи занимаются нашим местным эпосом, а четвертые, как мы с тобой, ударники-многостаночники. Первые три ступени – это уже бойцы, которые, попахав в поле, открыли у себя талант удивительно хорошо изводить кровососов или знатно гонять взбесившихся банных.

– Обучаться сколько хоть?

– Год, – выдал Федор и, глядя на мою кислую физиономию, поспешил добавить: – Но поскольку ты прикреплен ко мне как к полевому наставнику, то и ездить на задания будешь тоже со мной. Единственное, что придется подгадывать под твое новое расписание, но мы что-нибудь придумаем.

– Хорошо бы, – вздохнул я. – Как-то не по себе мне от твоих слов. Школа эта больше на военное училище смахивает.

– Да так и есть почти, – хитро прищурился охотник, – вот приедешь, сам увидишь.

В среду, в девять утра УАЗ Федора притормозил около приземистого трехэтажного здания из красного кирпича. Получив напутствие на словах и пинок под зад на деле, я был выставлен из машины и оказался один на один со своим новым учебным заведением. С одной стороны, я понимал, что получить необходимые навыки и знания мне жизненно необходимо, но с другой стороны, врожденная лень негодуяюще кричала в моем сознании: «Брось все это. Мало, что ли,

ты учился?» Диалога с ней я, впрочем, развивать не стал.

Стоило в первую очередь разобраться в себе. Что я умею и могу в этой жизни и чего я достиг. Начнем с последнего. Ничего. Вся моя учеба пошла прахом, полученная специальность не была востребована, и все, что мне оставалось, так это неквалифицированный труд где-нибудь на стройке или еще где похуже. В свои годы я уже имел квартиру, но это тоже нельзя было отнести к личным заслугам. Жилплощадь досталась мне по наследству от мамы. Что я умею, в сущности, ответ тот же. Пожалуй, мне стоило остановиться на том, какие перспективы предо мной могут открыться, если я пройду подготовку и вольюсь в ряды тринадцатого отдела. Во-первых, приключения, такая работа не может никогда надоесть, по крайней мере такому человеку, как я. Во-вторых, серьезный и зачастую смертельный риск, но где приключения, там и он. Тут уж ничего не попишешь, ну и, конечно, гонорары. Суммы, которые выплачивали за удачные операции сотрудникам отдела, были более чем достойными, две-три охоты – и вот тебе автомобиль, с полгода работы – и ремонт в квартире, год – и ты имеешь весьма солидную сумму на счете. Главное в этом деле, чтобы это был именно гонорар, а не похоронные.

Учиться надо и учиться буду, решил я и с этими мыслями, толкнув дверь, вошел в здание, где сразу же напоролся на полицейский пост.

– Ваши документы, – как выплюнул хмурый полицейский

в звании капитана. Я протянул ему паспорт, и он тут же расплылся в глупой улыбке: – Серьезно?

– Тот самый, – вздохнул я, – два магнитофона, две куртки замшевые...

– Меня предупредили, что у нас новый курсант будет, – разулыбался капитан, – но я, если честно, не поверил, для меня Шпак – это Этуш, ей-богу.

– Фамилию не выбирают, – я пожал плечами.

– Да это еще ничего, – принялся жестикулировать дежурный, – вот у меня знакомая была, в девичестве Быкова, вышла замуж – стала Коровина.

– Бывает, – я вновь пожал плечами.

– Да не обижайся ты, – капитан по-дружески хлопнул меня по плечу. – У тебя же Сом куратором полевым?

– Сом? – не понял я.

– Федор Павлович Сом, неужто не знал?

– Знаю, что Федор Павлович, – пояснил я, – по фамилии не общались.

– Вот теперь знаешь, – закивал дежурный. – Ладно, чего мы тут лясы точим. Сейчас тебе временный пропуск выпишу, потом у коменданта постоянный получишь, а пока дуй прямо по коридору до лестницы и на второй этаж, там в десятом кабинете строевая часть, где получишь все бумаги, тебя поставят на дотацию. С этим у нас строго, так что не обидят. Беспорядков только не учинять, все хулиганы и забулдыги вылетают после первого же месяца, комендант у нас су-

ровый.

Расписавшись в получении временного пропуска, я закинул сумку с вещами на плечо и, последовав совету капитана, отправился в строевую часть, где меня встретил еще один сотрудник, уже в гражданском.

– Майор Никонов, – представился он. – Заместитель коменданта по кадрам. Да вы присаживайтесь, документы будем оформлять, а это не пять минут.

Я послушно уселся на предложенный табурет.

– Значит, дело ваше мы получили, вижу – местный вы, – кивнул мне майор.

– Коренной, – подтвердил я.

– Должен предупредить, все курсанты находятся у нас на казарменном положении и проживают тут же, – пояснил он. – Квартиру вашу, в принципе, можно сдать внаём на весь срок обучения, но это только мысли вслух.

– А если вылечу, где жить буду? – прищурился я.

– Капитан Сом обычно курирует перспективных охотников, – меланхолично заметил Никонов, на секунду подняв голову от заполняемых бланков. – Думаю, справитесь.

– Хотелось бы верить.

– Верьте, молодой человек, вера – это наше все.

– А какие тут будут дисциплины? – задал я свой первый вопрос по существу.

– Это не ко мне, – отмахнулся майор, даже не поднимая головы, – это к коменданту. Я тут только кадрами заведу да

командировочные выписываю. Мы тут, видите ли, по совместительству еще и курирующий штаб по Северо-Западному округу. Вот, распишитесь, где галочки.

Приняв из рук строевика толстую пачку бланков, я принялся старательно выводить свое имя в каждом отмеченном пункте, на что у меня ушло минуты две, и, справившись, протянул их назад.

– Значит, вот вам бланк к завхозу, получите у него вещевое довольствие, – начал выкладывать на стол бумаги, будто козырные карты, майор. – Вот с этой бумагой идете к заму коменданта по тылу, там встанете на продовольственное довольствие. Вот этот, с красной печатью, – к заму по огневой и рукопашному, впишет вас в свои ведомости, чтобы патроны выдавать. Вроде все. Ах, да. Вот пропуск, вклеите фотографию, и к коменданту на подпись и печать. Не ходить же вам, право слово, с временным пропуском. Все, удачи.

Из строевой части я фактически был вытолкан.

– А куда...?

– На бланке заглавие!

– А кабинет...?

– На обратной стороне, карандашом.

Дверь за моей спиной захлопнулась, оставив меня одного в пустом коридоре с сумкой в одной руке и кипой бумаг в другой.

Перевернув первый, заполненный аккуратным почерком строевика бланк, я прочитал: «Пищевое довольствие, каби-

нет двадцать семь», – и, прикинув направление, потопал по коридору, отметив полное отсутствие на дверях кабинетов каких-либо пояснительных табличек с указанием фамилии владельца одного и занимаемой им должности.

– Войдите, не заперто, – громогласно отозвался обитатель комнаты двадцать семь после моего робкого стука. – Антон Шпак, как понимаю?

За столом сидел коротышка в форме с петлицами ракетных войск и двумя жирными звездами на погонах. Лицо у коротышки было пунцовым.

– Так точно, товарищ полковник, – подтвердил я, по старой доброй армейской привычке повысив подполковника в звании.

– Подполковник Перунец, заместитель коменданта по тылу, – представился тот, даже не потрудившись привстать, что меня отнюдь не удивило. – Давай свою бумажонку.

Убрав бланк в отдельную папку, он принялся листать общую тетрадь.

– Курсант Шпак, жить будете в отсеке тринадцать бэ, на третьем этаже. Отсеки у нас двухместные, а там как раз кровать свободна. В столовую начнешь ходить только с завтрашнего дня, а форму можешь получить уже сегодня. Завхозу я позвоню, чтобы не вольтанил. Удачи.

Зам по огневой и рукопашному бою оказался молчаливым сухим стариком с выцветшими глазами и острым носом.

– Старший лейтенант Махов, – выдал он.

«Всего лишь старлей!» – поразился я, но вовремя заткнулся, решив не наживать себе врагов в первый же день. Найти недоброжелателей всегда успею, за этим дело не станет.

– Физическая подготовка у вас не ахти, как я смотрю. Боевые навыки имеются?

– Имеются, – кивнул я и выложил то же самое, что в свое время рассказал Федору.

– Кисло, – подытожил пожилой старлей, – но дело поправимое. Сначала будете проходить курс самообороны, а потом посмотрим. Стрелять умеете?

– В армии приходилось, – поделился я.

– Значит, не умеете, – вздохнул Махов. – Откуда эти охотники только таких находят? Будем работать.

Забрав бланк с красной печатью и еще раз неодобрительно посмотрев на меня, старший лейтенант Махов, по сложившейся уже традиции, выставил меня за дверь, попутно пояснив:

– Завхоз у нас на цокольном этаже, там же склад. Дойдете до конца коридора и вниз, господин курсант.

Закончив наконец всю бюрократию, я отправился в указанную Маховым сторону и, найдя там лестницу, спустился в подвал, который в этом здании гордо именовался цокольным этажом.

Завхозом оказался в доску гражданский мужик классической рязанской внешности, с синяками под глазами и устойчивым водочным перегаром изо рта. Канонический случай.

– Петрович, – отрекомендовался завхоз и, стиснув своей лапищей мою руку, несколько раз потряс ею, будто намереваясь выдернуть из сустава. Очевидно, так Петрович понимал рукопожатие. – Новенький, значит? Давай сюда бумаги, у тебя какой размер? – и, записав на клочок газеты рост, размер ноги и головы, скрылся в чередке полок, заставленных различными коробками. Послышался звон и мат, что-то упало, по-видимому, на завхоза. Петрович осерчал и ответил, похоже, с ноги. Закончив, наконец, воевать с невидимым обидчиком, он появился, неся в руках камуфляж старого образца, такой же расцветки кепку, ремень, пару берцев, две тельняшки и упаковку носков.

– Флягу, плащ-палатку и саперную лопатку будешь получать на выездных занятиях, – пояснил он, – а пока летний комплект. Выдается на полгода. Истаскаешь раньше, будешь за собственные деньги покупать. Ах, да... – сорвавшись вдруг, он вновь исчез в дебрях полок и вернулся с парой армейский сатиновых трусов синего цвета.

– Министерство обороны, смотрю, – кивнул я в сторону стопки вещей на стойке.

– Оно, – согласился Петрович. – Ты давай расписывайся и топай в комнату. Там переодеться, и в одиннадцать чтоб был у коменданта, как штык, и не опаздывай, старик этого не любит.

Расписавшись и поблагодарив за совет, я подхватил полученное и направился на третий этаж, где остановился около

нужной двери и понял, что у меня проблема. Ключа-то мне никто не дал.

– Открыто, – раздалось изнутри. – Чего стоишь как столб, заваливай.

– Здравствуйте, – я аккуратно толкнул дверь плечом, так как руки были заняты, и с интересом обозрел помещение, которое должно было стать моим домом на ближайшие двенадцать месяцев. В небольшой комнате еле уместились две панцирные кровати, высокий шкаф почти под потолок и одна тумбочка, стоящая у окна. На этом мебель заканчивалась.

На одной из кроватей лежал коротко стриженный крепыш, закинув руки за голову.

– Новенький? Привет.

– Здравствуйте, – еще раз поздоровался я. – Меня Антоном звать.

– Меня Вадим, – кивнул крепыш, – располагайся. Кровать сам видишь, а шкаф и тумбочка у нас общие. Мои полки верхние, твои нижние. Без обид?

– О чем речь, – кивнул я и с облегчением сгрузил свою поклажу на каркас. – А матрас где?

– В шкафу, – махнул рукой Вадим, – в самом низу глянь. Там и матрас, и подушка, и одеяло летнее.

Открыв шкаф, я вытащил оттуда тонкий матрас с подушкой и синее с черной полоской шерстяное одеяло армейского образца и принялся заправлять кровать.

– А что нету никого? – между прочим поинтересовался я.

– Да кто где, – пояснил Вадим. – Кто на стрельбах за гором, кто по заданию партии зверюг разных по лесам да полям гоняет, кто в классах.

– А ты чего тут? Прогуливаешь?

– Наказали, – скорчил гримасу мой собеседник. – Не сошлись во мнениях с преподавателем одним.

– Совсем плохо? – посочувствовал я.

– Редкая сволочь, – кивнул мой сосед. – Отстранение от занятий на день и запрет на любые полевые операции на три месяца. И самое обидное, работа-то есть. Мой полевой куратор уехал с другим охотником под Псков гнездо кровососов корчевать. Денег поднимут – жуть, а я не при делах.

– Бывает, – пожал я плечами и, посмотрев на часы, начал быстро переодеваться.

– К коменданту тебе надо, – кивнул Вадим. – Комендант у нас целый генерал.

– Неужто?

– Ага, самый что ни на есть взыправдашний.

– А почему, кстати, полиция при входе сидит?

– Специально, видят форму и не суются лишний раз. Чтоб без зевак.

– Логично, – согласился я и, зашнуровав берцы, подошел к зеркалу на дверце шкафа. Буквы «К» на погонах выглядели как-то нелепо, да и китель был чуток великоват.

– Ты как старику представишься по форме и пропуск завизируешь, дуй в столовую. Столовая тут отменная, почище

любого ресторана.

– Не могу, – вздохнул я, застегивая пуговицы. – Зампотыл поставил на довольстве только с завтрашнего дня.

– Вот жлоб, – хмыкнул Вадим. – Ладно, не беда. Дам тебе свой талон, потом пивом отдашь.

– А как же ты? – поинтересовался я.

– А что я? У меня в этом месяце три дня на выход полевой было, не использованные талоны имеются, да и тебе надо оценить все прелести местной кухни.

– Дело хозяйское, – быстро согласился я. – Не сочти за наглость, а на ужин талончика не завалилось?

– И на полдник есть, – хохотнул мой сосед. – А ты, я вижу, парень не промах. На выходах уже был?

– Довелось, – признался я. – Секту разоблачили, жертвоприношения делали.

– Нормально, – улыбнулся Вадим, – а мы в первый раз на ведьму ходили. Вот страху натерпелся, думал, зайкой останусь, а потом ничего, привык, даже чувство юмора прорезалось.

– Я к начальству.

Выйдя за дверь, я вновь спустился на второй этаж. Кабинет коменданта найти было просто, его дверь единственная была оснащена табличкой.

Кабинет коменданта училища представлял собой что-то среднее между библиотекой и собранием минералов. Бес-

численные полки были буквально забиты книгами всевозможных форм и размеров. Те лежали повсюду. Громоздились на подоконнике, стояли стопками на полу, мостились на стульях. Стены же были завешаны кристаллами в аккуратных коробочках из тех, в какие обычно помещают насекомых, и на каждой имелась пояснительная табличка.

Посреди всего этого, за огромным письменным столом сидел – нет, именно восседал в кресле темного дерева с высокой резной спинкой – крепко сбитый, не молодой уже мужчина с редкой проседью. Одет комендант, вопреки моим ожиданиям, был в вельветовый пиджак и джинсы.

– Курсант Шпак прибыл для прохождения обучения, – выдал я, предварительно вытянувшись в струнку.

– Садись, – кивнул комендант на ближайший свободный от книг стул. – Как зовут тебя?

– Антон, – я присел на стул.

– Хорошо, Антон, – улыбнулся хозяин кабинеты. – Прежде чем поставить подпись на твоём листе и оформить пропуск, а следовательно, окончательно подвизать тебя на долю охотника, хочу спросить вот о чём. Ты сам-то понимаешь, во что ввязываешься? Хорошенько подумай, отказаться не поздно и не зазорно, а пока думаешь, я тебе небольшую справочку выдам.

– Конечно, – смущенно кивнул я, поудобней устраиваясь на стуле.

– Ну, раз конечно, так слушай, – хмыкнул комендант. –

В первую очередь, могу тебе по секрету сообщить, что большинство охотников до сорока лет не доживают. Есть, конечно, исключения, везучие мерзавцы, чей нюх и внутренний голос позволяют вовремя сделать ноги и сохранить свое здоровье, но их единицы. Тот же Федя Сом, что тебя на аркане приволок, уникам, я бы сказал. Его старый тренер и напарник Алим скончался от преждевременного старения – проклятья, наложенного одной сильной ведьмой, а прибить мерзавку не получилось. Убьешь ведьму, проклятье долой. Алиму тогда тридцать пять было. Ведьму в итоге извели, но человека не вернуть. Сам же Сом – яркий пример уникального чутья пятой точкой, ну и опыта у него не занимать, так что, если решишься работать, держись его руками и ногами до последнего момента, смотри и запоминай.

Все финансирование нашего отдела идет непосредственно от Министерства обороны, а те, как правило, если им что-то надо, на деньги не скупятся, но тех денег у охотника в руках не остается. На жизнь да квартиру оплатить.

– Куда же они все уходят? – ахнул я.

– На боеприпасы, – начал перечислять комендант, – патроны хоть военные и дают, но только денежку за них просят. Оружие, кстати, тоже будешь покупать, тут без альтруизма. Потом броники, снаряга разная, колеса – полный привод не лишние, амулеты. Касательно последнего особенно остановлюсь. Обереги и амулеты в нашей работе нужны что воздух, если не больше. Вижу, у тебя «ведьмино пугало» на шее бол-

тается. Федор презентовал?

– Да, – кивнул я, – к мороку я восприимчив, чуть не пропал из-за этого.

– Наслышан, – кивнул комендант. – Все происшествия подобного толка должны быть отражены в отчетах и лежать у меня на столе. С этих самых пор это и тебя касается. Вопрос в другом, знаешь, сколько такой оберег стоит? – Я отрицательно помотал головой. – Около семидесяти тысяч в евро, не меньше, – хмыкнул комендант, глядя на мое ошарашенное лицо. – При том если заклинала даже самая сильная ведунья, то действия его хватает максимум на год, так что я бы на твоём месте озаботился выяснить у Сома, сколько висьюльке еще работать.

Ну и что мы получаем в сухом остатке? Деньги, так их в итоге получается не так уж много. Возможность лишиться головы – этого добра хоть отбавляй. Вот что точно можно гарантировать, что скучать тебе не придется.

– Согласен, – развел я руками. – Для меня этот вариант приемлем. Может, знаменитым охотником стану, книжку обо мне напишут.

– Амбиции – это хорошо, – кивнул комендант. – Без амбиций в нашем деле никуда. Вот, кстати, у тебя о чем хотел спросить. Касательно ведьмы, которую ты на днях встретил.

В трех словах я описал ему все, что произошло со мной в тот памятный день. Как я почувствовал действие оберега, как увидел постаревшую Варвару, как попытался выследить

её и что из всего этого получилось.

– Дела, – вздохнул комендант. – Совсем охамела нечисть, если по городу охоту устраивает. Ведьма сильная, видать, старшая в гнезде, сама выбралась только из-за того, что вы её подругу привалили. Если дела так пошли, то они что-то явно замышляют, и это что-то должно произойти со дня на день.

Подписав все бумаги и поставив жирную печать на мой пропуск, комендант, так и не представившись, выпроводил меня восвояси, и я, предоставленный самому себе, отправился в комнату.

– О расписании спросить забыл, – хлопнул я по лбу рукой, спускаясь по лестнице. – Вот растяпа.

Оставленный мною в лежачем состоянии Вадим вроде бы даже и позу не изменил, но когда я вошел, вскочил с кровати и принялся разминаться.

– Затекло все, – признался он. – Не могу долго без действий, сколько ни пробовал. Как тебе старик?

– Серьезный мужик, – кивнул я. – О моем желании учиться спрашивал.

– Это он со всеми, – кивнул мой сосед, делая круговые движения руками, – краски только сгущать любит. С его слов, так мрут охотники как мухи и получают гроши.

– А разве не так? – улыбнулся я.

– Да так, конечно, – погрустнел Вадим, – только если ко всему с такой точки зрения подходить, то в депрессию впадешь и с крыши прыгнешь, башкой об асфальт. Быть охот-

ником не хуже и не лучше, чем любая другая профессия. По мне, так интересней, забавней, а уж чтоб разогнать кровь по жилам, так это первое дело.

– А ты как сам сюда попал? – заинтересовался я.

– Оказия, – пожал плечами парень и принялся делать наклоны. – Работал курьером одно время, посылки развозил срочные да почту, вот и попал по случайности не в ту квартиру.

– А кто в квартире оказался? – поинтересовался я, присаживаясь на табурет.

– Людоеды, самые натуральные, – пояснил курсант. – Ты представляешь, уже пять лет жили по адресу и подъедали всяких олухов типа меня, только это они думали, что я олух. Я как понял, к чему дело идет, чуть не поседел, ну, и, недолго думая, сиганул из окна, третий этаж, кстати. Мое счастье, на клумбу приземлился, но ногу правую сломал. Пролежал в больнице какое-то время, следователи ко мне ходили и так далее, а потом появился мужик один, Степаном представился, корочками красными светил, выяснял, мол, мое самочувствие после всего этого, в психическом плане, крыша, там, у меня на месте ли, и все такое. Все бы хорошо, но позывной мне присвоили Кузнечик, чтобы именем при нечисти не светил. Слушай, а как тебя в поле-то величать? Пересечемся в эфире, хоть будет ясно, с кем дело имею.

– Кот.

– Просто Кот?

– Просто.

– А что это значит? В темноте видишь?

– Не, – улыбнулся я, – куда уж мне, я днем-то плохо вижу, очки на носу не для важности.

– Ну, а что тогда?

– Понятие «клиническая смерть» знакомо?

– И часто? – заинтересовался Вадим.

– Да уж почаще вашего, – важно заявил я, чем вызвал бурный смех соседа.

Отсмеявшись, он посмотрел на наручные часы и засобирался, заправляя китель и влезая в берцы.

– Обед грозит, не раздумал еще?

Признаться честно, с утра я не завтракал, привычка была такая, зато плотно пообедать или там поужинать завсегда любил, так что согласно закивал.

– Ну, тогда пошли, – обрадовался Вадим, – а то я думал, грешным делом, пропадут талоны.

Коридоры наполнились шумом и топотом ног – это возвращались с занятий оставшиеся в расположении курсанты.

– Сейчас в курс дела тебя буду вводить, – важно заявил мой сосед, запирая за нами дверь. – Ключей от комнаты три, по одному на курсанта и один на вахте. Поедим, заберешь у дежурного под роспись, и не вздумай потерять. Касательно общего распорядка: подъем в семь, зарядка во внутреннем дворе, потом все по занятиям, у кого что. Расписание своей группы можешь взять у старосты, наверняка его в столовой

встретим.

– Было бы здорово, – кивнул я, шагая рядом, – а то забыл совсем. Кстати, а как тут у вас учебный процесс проходит? Я много пропустил.

– Учебный процесс тут оригинальный, по части теории, – ответил Вадим, – весь курс лекций идет по кругу, и абитуриент, пришедший, скажем, в середине года, попросту учится еще полгода. Экзамены принимаются у каждого индивидуально. С боевыми искусствами и стрельбой посложнее, но и тут выход найти можно. В спарринг тебя сразу никто ставить не будет, а когда дойдет, подберут партнера из тех, что послабее. Не бойся, не пропадешь.

– А какие предметы?

– Ну, – протянул Вадим, – у всех по-разному. Кроме очевидной физической и огневой подготовки, есть рукопашный бой, владение холодным оружием, курс химии, но тут по большей части касательно взрывчатых веществ, ядов и кислот и как самому всем этим не травануться и не взлететь на воздух. Оккультизм преподают, ксенобиологию – это чтобы мог в нечисти разбираться. Навыки экстремального вождения по зиме начнутся, а то приходилось и по наледи гонять, а точнее, уносить ноги. Как случится, сразу оценишь, шутка полезная. Это все наши препода, остальное сугубо индивидуально, если на ступень вдруг захочешь пересдать, но пока базовый курс не освоил, тебе это не грозит.

За разговором спустились на первый этаж в отдельное

крыло, где находилась столовая. Вынув из нагрудного кармана два талона, Вадим потащил меня в сторону раздачи, организованной по старому армейскому принципу. У стола с посудой каждый брал себе поднос и миски для первого и второго и проходил дальше, поставив поднос на ряд поручней, по которым его удобно двигать. Перемещаясь вдоль прилавка, останавливался на раздаче и протягивал миску, чтобы повар её наполнил, хлеб и напитки по традиции располагались в самом конце.

– Мясо или рыба? – поинтересовался высокий дородный мужчина в камуфляже и белоснежном колпаке на голове.

– Мясо, – кивнул Вадим.

– Мне тоже, – решил я не выделяться.

– Из гарниров сегодня рис и греча, – заявил повар, накладывая в наши миски по паре сочных отбивных.

– Нам рис, – решил за нас двоих мой сосед.

– Однако, – улыбнулся я. – Не обманул.

– Простенько, но со вкусом, – подтвердил Вадим. – Я лично ни один обед не пропускаю. Умеют ребята готовить.

– Из супов: гороховый, рассольник и борщ, – дальше на раздаче стояла девушка с сержантскими нашивками.

– Рассольник, – Вадим протянул глубокую синюю миску с надписью «ВМФ».

– А мне борщ, – решил я.

Подойдя к концу раздачи, Вадим наколот на стальной штырек два талона и, взяв с подноса несколько кусков чер-

ного хлеба, стакан апельсинового сока и приборы, направился к ближайшему столику.

– Догоняй, – бросил он мне через плечо.

В столовую начали подтягиваться первые курсанты и выстраивались в очередь перед раздачей.

– Вот и Колобок, легок на помине, – усмехнулся Вадим, отправляя в рот ложку супа. – Это староста наш, о котором я тебе говорил.

– Что же ты его так? – покачал я головой.

– Это не я, – хихикнул курсант, – это его позывной. Нет, серьезно, он так и числится – Колобок. Товарищ без меры инициативный и, кстати, боец приличный, ты не смотри, что он с виду такой уютный.

В столовую действительно вошел низкий полный парнишка с толстой кожаной папкой под мышкой.

– Здорово, – Вадим махнул вошедшему рукой, и тот приветливо помахал в ответ.

– Новенький с тобой?

– Он самый, Кот Антон, прошу любить и жаловать!

– Я сейчас, – заторопился староста и, подхватив синий поднос и пару мисок, двинулся по раздаче. – Пропустите, мне по делу, – голосил он, проталкиваясь сквозь очередь. – У меня инструктаж вновь прибывшего, пропустите.

Проскочив таким способом всю очередь и наполнив поднос, Колобок скорым шагом направился в нашу сторону и, сев на свободное место, поспешил представиться:

– Пантелей, позывной Колобок.

– Антон, позывной Кот, – я пожал протянутую пухлую ладонь.

– Значит, инструктаж, – принялся расстегивать папку староста, но был тут же остановлен Вадимом:

– Окстись, какой, к черту, инструктаж за обедом.

– И то верно, – часто закивал Пантелей, – тогда приступим, – и, пожелав всем приятного аппетита, принялся уничтожать борщ. На удивление быстро справившись с первым, староста принялся за второе, то и дело с интересом поглядывая на меня.

– Люблю новые знакомства, – поделился он с набитым ртом. – В нашем заведении особенно. Народу у нас мало, все личности уникальные, своеобразные. Очень интересно. Ну что, поели?

Я кивнул, допивая сок, и вытер рот салфеткой.

– Значит, инструктаж, – обрадовался Колобок. – У нашего учебного заведения под названием ШПО, или Школа подготовки охотников, есть несколько правил. Запрещено хранить и употреблять алкоголь и наркотики в любом их виде, исключение – кофе и сигареты. За нарушение данного пункта – немедленное отчисление. Запрещено также устраивать драки и применять физическую силу против другого курсанта. Все конфликтные ситуации решаются на общем собрании курсантов, которое проводится вечером в пятницу. Свой отсек ты обязан содержать в чистоте. Если раньше в нем жил

только Кузнечик, то теперь вас двое, будете по очереди ответственными. Посторонних проводить в общежитие запрещается, ну и распространяться о нас, сам понимаешь, тоже не стоит. Пока понятно?

– Что же тут непонятного? – удивился я.

– Мало ли, – пожал плечами Пантелей. – Распорядок у нас такой. В семь подъем, зарядка. Первое занятие в восемь тридцать. Потом завтрак, перерыв сорок пять минут. Затем снова занятия до обеда, опять же обед с перерывом в час, потом занятия до семи вечера и свободное время до отбоя, который в десять ноль-ноль. В это время во всех отсеках должен быть погашен свет. Раз в месяц ты заступаешь дежурным по общежитию, но от занятий тебя это не освобождает. Инструктаж дежурного будешь получать при заступлении, там ничего сложного нет. Главное, список на руках иметь, кто из курсантов в этот день где находится. По поводу полевых выездов и охот, это только с разрешения коменданта. Твой куратор обязан не менее чем за два дня до операции подать заявление в письменной форме, получить твое согласие, а также визу коменданта, и только после этого можешь отправляться хоть на все четыре стороны. К занятиям приступаешь завтра, а пока с этим бунтарем потуси. У него отвод заканчивается, рассказал уже, небось?

– Было дело, – кивнул я.

– Ну, значит, вот тут и тут распишись, что в курсе дела, – Колобок подsunул мне под нос бланк, – там, где галочка, и

получи расписание и распорядок, чтобы сразу не запутался.

Дождавшись, пока я распишусь в нужных пунктах, староста выхватил у меня из рук бумагу, как будто это было его прошение о помиловании, и, наскоро попрощавшись, умчался по каким-то неведомым делам.

– Какой, однако, бодрый! – покачал я головой. – У меня даже голова заболела от его трескотни.

– Привыкнешь, – пояснил Вадим, безмятежно жуя отбивную. – Все привыкли, и ты привыкнешь.

– А сколько всего курсантов учится на данный момент?

– С тобой сорок выходит, – прикинул Кузнечик.

– Не густо.

– Но и не пусто. Мы же все проходим тесты, прочую чепуху, иногда думаю, что космонавтам проще было.

Бесконечной вереницей потянулась череда учебных дней, и я начал потихоньку отвыкать от гражданской жизни и вливаться в процесс. Химия мне давалась сложно, приходилось постоянно конспектировать и зубрить, а вот изучение тварей пришлось по вкусу, благо школа обладала достаточным количеством учебных пособий. В оборотнях я более или менее поднаторел, а вот классификация вампиров меня чрезвычайно заинтересовала. Первая группа представляла собой воскресшую нежить, покойников или погрузившихся в летаргический сон индивидуумов – данная порода больше подходила под классификацию живых мертвецов и была неук-

люжа и малоподвижна, так что особой опасности при охоте не представляла. Вторая группа кровососов входила в подгруппу хомо вампирус, живых и подвижных хитрых тварей, вамп-морфов, вселившихся во вполне жизнеспособного человека. Были они редкостью, но если уж встречались на пути, то заставляли относиться к себе уважительно. Третья группа была скорее мифическая, чем реальная, и называлась не иначе как вурдалако-вампиры – существа, способные принимать облик животного или летучей мыши.

Но в архивах школы не было зафиксировано ни одного доподлинного случая охоты на подобных существ. Самыми редкими были инферно-вампиры, предводители гнезд – опасные и коварные существа, способные сплотить под своим крылом немало последователей. Они превращали человека в вампира одним укусом.

Рев сирены заставил вскочить с кровати, и я начал судорожно озираться.

– Чего сидишь, одевайся, и в спортзал, – кивнул Вадим, судорожно натягивая форму.

– Что стряслось-то? – Я вскочил с кровати и последовал примеру соседа.

– Общий сбор, не слышишь? – хмыкнул Кузнечик. – Через пять минут все должны быть в спортзале, давай живее.

Кое-как одевшись, я выбежал в коридор, по пути сообщая, зачем нас разбудили и кому потребовалось включить

сирену в три часа ночи. Спустившись в спортзал, который также находился на первом этаже, я встал в колонну уже собравшихся курсантов. В зале присутствовали все преподаватели, замы и сам комендант.

– Все? – поинтересовался он хмуро.

– Так точно, все! – бодро отрапортовал вечно позитивный Колобок.

– Курсанты, – начал он, прокашлявшись. – Тревога объявлена не просто так, она не учебная, так что прошу отнестись к моим словам со всей серьезностью. Два месяца назад в городе произошло чрезвычайное происшествие, а именно две ведьмы, одна за другой, вышли на охоту среди бела дня.

Строй удивленно загудел.

– Более того, одна из ведьм была старшей в гнезде, а то, что она сама вышла на охоту, о чем-то да говорит. С тех пор мы потеряли их из виду, хотя и подняли всю полевую агентуру и информаторов, посулив за любые сведения о возможном нахождении гнезда солидные деньги. Так продолжалось до сегодняшнего вечера, пока, наконец, ко мне в руки не попали сведения о месторасположении гнезда и ближайших планах мерзавок, в числе которых нападение на родильный дом.

Зал взорвался криками негодования и матерной бранью.

– Спокойно, – поднял руку комендант, – требую тишины.

Гомон курсантов постепенно затих, и в зале воцарилась тишина.

– Итак, сама операция начнется через два часа, в сучью вахту, а нужное количество охотников для истребления гнезда собрать физически не возможно. Посему лично мной принято решение задействовать курсантский состав в качестве охотников и заслона. На сегодняшнюю операцию пойдут все, кто сочтет нужным, гонорара не будет. Кто хочет отказаться, шаг вперед.

Строй молчал.

– Отлично, – кивнул комендант, – я так и думал. Всем в оружейную комнату, получать боеприпасы и бронежилеты. Едем под видом ОМОНа двумя автомобилями. Через тридцать минут общий сбор во внутреннем дворе.

– Господин комендант, – послышался голос из толпы. – Другие ведомства будут участвовать в операции?

– По понятным соображениям, нет, – скривился комендант. – Мы гнездо корчевать едем, а не завтрак им доставлять. Может быть, СОБР или еще кто пригодились бы, но морока у ведьм хватит на всех. Даром, что ли, они маскировались такое количество времени?

Буквально через несколько минут в оружейке столпилась очередь гомонящих курсантов. Каждый получал по «городу», ударным перчаткам, две запасные обоймы к ПМ и его же в кобуре на пояс, дубинку, две дымовые гранаты, две запасные обоймы к АК и, как апогей, АКСУ. Довершением служил здоровенный и неудобный, на мой взгляд, ПШ-97 «Джета» с защитными очками.

Грузились тоже быстро, но на этот раз тихо, без особого шума, запрыгивали один за другим в крытые кузова «Уралов».

– Все готовы? – крикнул вышедший во двор комендант. – Старшим транспорта и групп доложить, выдвижение по готовности, водителям выдать координаты места.

«Обжоры» взревели семилитровыми движками, выдав во двор клубы дыма, и споро покатили по улице, выехав через задние ворота. Ехать тоже было неудобно, маленькие деревянные скамеечки по бортам то и дело пытались сбросить седоков, так что приходилось постоянно придерживаться руками. Через пару минут послышался рев милицейской сирены – это включившиеся в операцию полицейские сопровождали колонну до места, воплями и миганием разгоняя попадающиеся по пути редкие машины. Город спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.